

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Θ. Саводника.

Выпускъ 13-й.

ПОЭЗІЯ НЕКРАСОВА.

Типо-литографія Т-са И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., с. д.
Москва—1915.

Оцѣнка поэзіи Некрасова, какъ извѣстно, еще при жизни поэта колебалась между противоположными крайностями: съ одной стороны, неумѣренные поклонники его таланта ставили его въ одинъ рядъ съ Пушкинымъ, или даже выше послѣдняго,—съ другой стороны, такой тонкій цѣнитель поэзіи, какъ Тургеневъ, отзывался о произведеніяхъ Некрасова крайне пренебрежительно, называя ихъ: «жеванное папье-маше съ поливкой изъ острой водки». Поэтому отзывъ такого авторитетнаго и независимаго критика, какъ Апол. Григорьевъ, критика, принадлежавшаго притомъ, по своимъ общимъ взглядамъ, скорѣе къ лагерю противниковъ Некрасова, представляетъ особенный интересъ.

Отдѣльныя замѣчанія о стихотвореніяхъ Некрасова разбросаны во многихъ статьяхъ Григорьева; но, не ограничившись ими, онъ счелъ необходимымъ подвести общій итогъ своимъ наблюденіямъ надъ поэзіей Некрасова въ особой статьѣ, посвященной ей разбору и напечатанной въ 7-ой книгѣ журнала «Время» 1862 года. Статья эта начинается указаніемъ на нѣкоторые «домашніе дрызги», совершенно некстати примѣшивавшіеся въ современныхъ журнальныхъ статьяхъ къ сужденіямъ о произведеніяхъ Некрасова и значительно затемнявшіе правильную оцѣнку его поэзіи. Эти «домашніе дрызги» довольно просто объясняются враждою и соперничествомъ тогдашнихъ журналовъ и ихъ издателей. Краевскій, редакторъ-издатель «Отеч. Записокъ», игравшихъ нѣкогда, въ эпоху дѣятельности Бѣлинскаго, руководящую роль въ русской журналистикѣ, не могъ простить Некрасову выдающагося успѣха его «Современника» и пользовался всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ для полемическихъ выпадовъ противъ своего счастливаго соперника, не останавливаясь даже передъ некрасивыми намеками на частную жизнь Некрасова и на его личный характеръ (каковы, напр., приводимые въ статьѣ Григорьева намеки на «выгодность» избраннаго Некрасовымъ направленія). Глубоко убѣжденный въ

томъ, что «со словомъ нужно обращаться честно», и потому искренно возмущенный такимъ недостойнымъ способомъ веденія литературной полемики, Григорьевъ значительную часть своей статьи посвятилъ разбору и опроверженію критическихъ отзывовъ о поэзи Некрасова главнаго критика «Отеч. Записокъ» Дудышкина, въ которыхъ Григорьевъ совершенно правильно усмотрѣлъ вліяніе «домашнихъ дразгъ» и проистекающую отсюда враждебную предвзятость.

Самъ Григорьевъ, конечно, отнюдь не принадлежалъ къ числу безусловныхъ поклонниковъ Некрасовской поэзи «мести и печали», какъ это и вполне естественно въ виду кореннаго различія ихъ міровоззрѣній: его отталкивали «желчныя пятна» поэзи Некрасова, односторонность его мрачнаго взгляда на жизнь и на людей, преобладаніе болѣзненнаго раздраженія въ его настроеніяхъ. Но во всемъ этомъ Григорьевъ видѣлъ не только проявленіе извѣстныхъ сторонъ личности самого поэта, но также и непосредственное отраженіе крайностей «натуральной школы» сороковыхъ годовъ, односторонности ея мрачнаго, обличительнаго направленія; вліяніе этой школы, глубоко воспринятое Некрасовымъ въ эпоху, когда только еще складывались и опредѣлялись взгляды и вкусы молодого поэта, его литературная «манера», оказалось настолько могущественнымъ, что наложило неизгладимый отпечатокъ на творчество Некрасова, сказываясь даже въ эпоху полной зрѣлости его таланта.

Но была одна сторона въ творествѣ Некрасова, которая вызвала глубокія симпатіи нашего критика, искупала въ его глазахъ всѣ вольныя и невольныя грѣхи Некрасовской «музы»: это было—*народническое* направленіе его поэзи,—конечно, не въ смыслѣ грубой тенденціозности, а въ смыслѣ горячаго сочувствія къ родному народу, къ родной жизни, къ родной «почвѣ». Изъ этого настроенія родились лучшія вдохновенія Некрасова, оно же сообщаетъ общій колоритъ всей его поэзи. Причины неоспоримой силы этой поэзи, также какъ и причины ея популярности, заключаются, по мнѣнію критика, именно въ ея «органической связи съ жизнью, дѣйствительностью, народностью», а эта связь коренится въ душѣ самого поэта: Некрасовъ—«поэтъ съ народнымъ сердцемъ», говоритъ Григорьевъ,—и это опредѣленіе, въ устахъ такого народолюбца, какъ Апол. Григорьевъ звучитъ, конечно, какъ высшая похвала.

Стихотворенія Н. Некрасова ¹⁾.

I.

Отчего это такъ у насъ теперь устроилось, что ни объ одномъ важномъ и знаменательномъ литературномъ явленіи нельзя въ настоящую минуту начать говорить, не попутавшись напередъ въ нашихъ печальныхъ литературныхъ дрязгахъ? Вотъ первый вопросъ, которымъ задается непремѣнно всякій искренній критикъ, если онъ дѣйствительно искрененъ. И вѣдь, право, чѣмъ явленіе важнѣе и знаменательнѣе, тѣмъ неизбѣжнѣе является эта горькая необходимость. Хотѣлось бы прямо о дѣлѣ говорить, опредѣлить по крайнему, честному разумѣнію мѣсто и значеніе извѣстнаго литературнаго факта въ ряду другихъ фактовъ, оцѣнить его безотносительное достоинство,—такъ нѣтъ: прежде распутай паутину, которая соткалась вокругъ факта, и для того чтобы распутать эту паутину, во-первыхъ, прежде всего подыми литературную исторію факта, т. е. расскажи, какъ фактъ принимался нашею такъ называемою критикою,—которая, право, послѣ Бѣлинскаго утратила уже свой первый шагъ передъ литературою;—разсмотри, почему онъ такъ или иначе принимался, и во-вторыхъ, подыми непремѣнно общіе вопросы, какъ-будто все, что толковано о нихъ великимъ критикомъ, погребло совершенно безслѣдно. Въ примѣръ того и другого неудобства позвольте привести вамъ нѣсколько доказательствъ.

Возьмете ли вы явленія крупныя: ну хоть, на примѣръ, „Минина“ Островскаго (хорошъ онъ или нѣтъ—не объ этомъ покамѣстъ рѣчь), „Мертвый домъ“ Ф. Достоевскаго, „Стихотворенія Н. Некрасова“; возьмете ли вы явленія тоже значительныя, хотя менѣе яркія, какъ произведенія графа Л. Толстого, начавши говорить о

1) „Время“, 1862 г., № 7.

которыхъ я такъ запутался сразу въ литературныя дразги, что до сихъ поръ еще высказалъ о самомъ предметѣ разсужденія, т.-е. о дѣятельности Л. Толстого, только сжатые общія положенія ¹⁾); возьмете ли вы, наконецъ, явленія чисто-художественныя, исключительныя, каковы стихотворенія любого изъ нашихъ лирическихъ поэтовъ,—вездѣ одна и та же печальная исторія.

Пу какъ, напримѣръ, начать рѣчь хоть о „Мининѣ“ не поднявши, съ одной стороны, вопроса о томъ, почему такое глухое молчаніе господствуетъ въ нашей критикѣ объ этой драмѣ? Недовольна критика—прекрасно; что-жъ изъ этого? Бѣлинскій не молчалъ бы, еслибъ онъ былъ недоволенъ, какъ не молчалъ тогда, когда былъ недоволенъ поэмой Пушкина „Анджело“. Почему специалисты дѣла, т. е. глубокіе знатоки исторіи эпохи междоусарствія, не сказали до сихъ поръ своего слова, и почему неспециалисты могли разразиться только весьма краткою, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма замѣчательною ерундою? Съ другой стороны, какъ вы начнете говорить о „Мининѣ“, не предпославши статьѣ нѣсколько тертыхъ и перетертыхъ, вамъ самимъ давно надоѣвшихъ теоретическихъ разсужденій—не говорю ужъ о сущности исторической драмы,—нѣтъ, о сущности драмы вообще? Мы вѣдь все, рѣшительно все перезабыли, что по части искусства вообще ни говорили намъ Бѣлинскій и немногіе вѣрные его ученики. Наше развитіе—дѣйствительно Сатурнъ, пожирающій чадъ своихъ, какъ выразился разъ въ своей неблагопристойной статьѣ пріятель мой „ненужный человѣкъ“ ²⁾). Вѣдь вонъ же неспециалисты дѣла историческаго, поторопившись съ своею ерундою, поставили въ упрекъ драмѣ то, что она кончается въ Нижнемѣ, гдѣ *драма* дѣйствительно и кончается, и не переходитъ въ Москву, гдѣ начинается уже эпопея, гдѣ великая личность сливается, несмотря на все свое величіе, съ побѣднымъ торжествомъ громаднаго земскаго дѣла...

Вотъ вамъ одинъ фактъ изъ крупныхъ, а насчетъ „мелкихъ“—

¹⁾ Григорьевъ имѣетъ въ виду свою статью: „Явленія современной литературы, пропущенныя критикой. Графъ Л. Толстой и его сочиненія“ (см. 12-й выпускъ настоящаго изданія). Значительная часть статьи посвящена вопросу о задачахъ литературной критики вообще и о неправильномъ пониманіи этихъ задачъ современной русской критикой публицистическаго направленія.

²⁾ Т.-е. самъ Апол. Григорьевъ—въ статьѣ: „О постепенномъ, но быстромъ и повсемѣстномъ распространеніи невѣжества и безграмотности въ російской словесности“ („Время“, 1861 г., № 3).

печальной необходимости „попутаться“ въ дрязгахъ и перетрясти старые вопросы кажется и разъяснять нечего. Начните, напримѣръ, говорить о стихотвореніяхъ Фета—(я беру это имя какъ наиболѣе оскорбленное и оскорбляемое нашей критикою...), тутъ, во-первыхъ, надобно кучу сору разворачивать, а во-вторыхъ, о поэзіи вообще говорить, о ея правахъ на всесторонность, о широтѣ ея захвата и т. п.,—говорить, однимъ словомъ, о вещахъ, которыя критику надоѣли до смерти, да которыя и всѣмъ надоѣли, хотя въ то же самое время всѣми положительно позабыты.

Довольно съ насъ этихъ двухъ примѣровъ. Я не упомянулъ даже о послѣднемъ романѣ Тургенева, по поводу толковъ о которомъ пришлось порядочнымъ людямъ защищать великое и любимое имя отъ сближенія съ именемъ г. Кочки-Сохрана и по поводу котораго чуть ли не придется ратовать *даже* (*credite, posterii!!*) съ статьею г. П. Кускова, потому что и эта статья тоже, пожалуй, находитъ извѣстный кругъ читателей ¹⁾.

Какъ же не путаница озадачиваетъ бѣднаго критика, лишь только подойдетъ онъ къ знаменательному явленію? Да что я говорю! Ему самую знаменательность-то нашихъ литературныхъ явленій приходится безпрестанно отстаивать. Потому-что—страшное вѣдь это, право, дѣло!—иностранцы, которые серьезно знакомятся съ русскою литературою, какъ, напримѣръ, гг. Боденштедтъ и Вольфсонъ, Мериме и переводчикъ Делаво, исполняются глубокаго къ ней уваженія, а мы или *игнорируемъ* ее за то, что она не англійская, какъ игнорируетъ ее „Русскій Вѣстникъ“, для котораго ея явленія—величины безконечно малыя, или ничего не видимъ въ ней кромѣ лжи, какъ не видитъ славянофильство, или просто наконецъ, какъ теоретики, похѣриваемъ ея значеніе наравнѣ съ значеніемъ литературы вообще, вещи совершенно ненужной въ томъ усовершенствованномъ мірѣ, гдѣ луна соединится съ землею и гдѣ Базаровъ будетъ совершенно правъ, восторгаясь „свѣжатинкою“.

„Жалобы, вѣчныя жалобы!.. скажутъ мнѣ навѣрное немногіе мои читатели:—да говорите, дескать, дѣло, критикъ.“ Я ничего бы

¹⁾ Упомянутый романъ Тургенева—„*Отцы и дѣти*“ („Рус. Вѣст.“, 1862 г. № 2), вызвавшій жестокия нападки на автора со стороны критиковъ лѣваго лагеря, напр., Антоновича, въ полемическомъ увлеченіи сравнивавшего его съ пресловутымъ издателемъ „Домашней Бесѣды“ Аскоченскимъ (Кочка-Сохрана). Платонъ Кусковъ—забытый нынѣ поэтъ и критикъ 60-хъ годовъ, сотрудникъ „Свѣточа“, „Голоса“ и др. изданій.

лучшаго не желалъ, какъ говорить одно дѣло, говорить по возможности сжато, хотя не впадая въ „соблазнительную“ ясность (весьма удачный, по моему мнѣнію, терминъ другого моего литературнаго пріятеля, г. Н. Косицы), т.-е. не мысля за васъ до тла и не отучая васъ отъ этого не всегда пріятнаго, но до сихъ поръ считавшагося довольно полезнымъ упражненія. Да, нельзя, рѣшительно нельзя, сами видите. Путаница—повсюду путаница.

Путаница эта, изволите видѣть, собственно двухъ родовъ: или это путаница въ литературныхъ дразгахъ, или это путаница въ рутинности мыслей и фразъ.

Два рода этой путаницы необыкновенно ярко кидаются въ глаза по отношенію къ этому большой важности литературному факту, который называется „Стихотворенія Н. Некрасова“.

Редакторъ „Времени“, съ которымъ я говорилъ объ этой назрѣвавшей у меня въ душѣ статьѣ, совѣтовалъ мнѣ поговорить сначала о критическихъ толкахъ по поводу стихотвореній любимаго современнаго поэта. Я читалъ эти толки, потому что до сихъ поръ сохранилъ наивнѣйшее уваженіе къ російской словесности и интересуюсь, не только ею самой, но даже и толками о ней: вотъ это-то послѣднее собственно и составляетъ впрочемъ непозволительнѣйшую въ лѣта мои наивность. Въ толкахъ этихъ сразу почувялись мнѣ два указанные мною рода путаницы,—но только еще почувялись, пока я читалъ ихъ какъ дылетантъ. Когда же я принялся за нихъ съ тѣмъ, чтобы изучить ихъ основательно, какъ матерьялъ, два рода путаницы для меня въ нихъ окончательно, наяснѣйшимъ образомъ обозначились. Отъ одного рода мнѣ стало довольно тяжело, зато отъ другого весело.

Начну съ послѣдняго. Онъ удивительно рельефно явился въ „Русскѣмъ Словѣ“, въ статьѣ г. В. К—го ¹⁾. Уморительная, вѣдь, право статья! тѣмъ въ особенности уморительная, что она, повидимому, и прекрасно, и тепло, и съ „заскокомъ“ написана, а между тѣмъ въ ней ничего... ровно ничего нѣтъ кромѣ, *казенщины* да *просаковъ*. Право такъ; я говорю безъ малѣйшаго преувеличиванія. Ея молодой (по всей видимости) авторъ только и дѣлаетъ, что излагаетъ собственное сочувствіе къ народу да рутиннымъ образомъ восторгается сочувствіемъ къ народу нашего поэта, и, съ другой стороны,—безпрестанно попадаетъ въ просаки, указывая на

1) Всеволода Крестовскаго.

такія мѣста въ его стихотвореніяхъ, которыя въ глазахъ всякаго, серьезно сочувствующаго и народу и Некрасову человѣка составляютъ просто пятна желчной горячки въ поэтическихъ отзывахъ этой высокой, но часто неумѣренно-раздражительной „музы мести и печали“... Ну скажите, на примѣръ, какому человѣку съ здравымъ... не говорю смысломъ, это будетъ обидно—но съ здравымъ чувствомъ придетъ въ голову написать хоть вотъ эти строки, съ слѣдующей за ними выпиской:

„Некрасовъ — говоритъ юный критикъ — страдаетъ вмѣстѣ съ русскимъ человѣкомъ, но *нисколько не идеализируетъ его*. Онъ умѣетъ заставить насъ сочувствовать его горю, совершенно нерасцѣпивая его. Онъ *глубоко* понимаетъ народъ и внѣ всякой идеализации становится даже безпощаднымъ въ отношеніи его и *проявленій его жизни и духа*. *За примѣромъ ходитъ недалеко*. (NB. Какъ кому! позволю себѣ замѣтить.) Мы припомнимъ вамъ одно его стихотвореніе. *Вслушайтесь, всмотритесь въ него*“.

И за симъ юный критикъ, въ доказательство вѣроятно того, какъ недалеко ему ходить за примѣрами, выписываетъ несчастное желчное пятно, подъ влияніемъ котораго больной, раздраженный поэтъ взглянулъ на великую эпоху 1812 года, отмѣтивши въ ней по болѣзненному капризу только исключительный фактъ. Выписавши цѣликомъ этотъ политическій промахъ („Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ“ и проч. Я не буду, кромѣ крайнихъ случаевъ, прибѣгать къ выпискамъ изъ стихотвореній поэта, почти заученнаго читающимъ людомъ), юный критикъ „въ забвеніи чувствъ“ восклицаетъ:

„Вѣдь не шутя морозъ подираетъ по кожѣ, становится страшно *отъ этой голы, ужасающей правды*. Вѣдь нельзя отказаться: *это наше* (NB: слова эти—курсивомъ въ подлинникѣ), это наша жизнь, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ ея заурядно-характерныхъ эпизодовъ. Въ основѣ этой вещи лежитъ *страшное пониманіе русской жизни*, пониманіе ея до цинизма, до безпощадности,—и вотъ этимъ-то и дорожъ намъ Некрасовъ. Эта странная, но жизненная смѣсь звѣрства, *удалой* похвальбы этимъ звѣрствомъ и совершенно человѣчнаго чувства жалости, состраданія, сожалѣнія—вполнѣ свойственны нашему сѣрому человѣку. На это стихотвореніе, сколько помнится, совершенно не было обращено вниманіе нашей критики, *а жаль! оно одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній Некрасова*...“

Что вы, что вы, любезный мой господинъ юный критикъ! Да вѣдь вы вовсе не туда забрели, куда хотѣли. Вѣдь знаете что? Вы совсѣмъ забыли, увлекшись, *о чемъ* это стихотвореніе. Вѣдь оно о „вѣчной памяти двѣнадцатомъ годѣ“, котораго голая правда, та голая правда, къ которой вы проникнуты такою страстію,— не въ этомъ исключительномъ фактѣ, а въ возстаніи великаго народнаго духа, возстаніи, которое своею поэзіею и мощью сглаживаетъ несчастные и отвратительные эпизоды, неизбежные, къ сожалѣнію, во всякой народной войнѣ. Припомните-ка гверильясовъ Испаніи, и припомните-ка тоже кстати, что величайшій поэтъ скорби, Байронъ, не на эти факты указываетъ, рисуя широкими чертами картину возвышенной народной борьбы въ первой пѣснѣ своего „Гарольда“,—опъ, безпощаднѣйшій,—конечно, поболѣе Некрасова,—ко всему, даже къ своей Англій, опъ, пенавистникъ всякаго насилія. Да припомните-ка еще, какъ самъ поэтъ въ своемъ превосходномъ, здоровомъ и могучемъ стихотвореніи „На Волгѣ“, рисуется съ любовью и широкими чертами картину другого, хотя по смыслу менѣе великаго возстанія народнаго духа,—севастопольскаго возстанія. Вѣдь вы явно увлеклись до „забвенія чувствъ“ Устиньки 1). Вѣдь вы просто вообразили, что стихотвореніе взято изъ эпохи Стеньки Разина. Тамъ, точно, были бы умѣстны (употребляю ваши, безъ отношенія къ этому стихотворенію, прекрасныя выраженія): „эта странная, но жизненная смѣсь звѣрства, удалой похвальбы этимъ звѣрствомъ“ и проч. А тутъ и удалой похвальбы-то нѣтъ, а есть одна безнравственная похвальба. Вѣдь одностороннее представленіе событія, представленіе, лишшающее событіе его настоящей, то-есть общей правды, то-есть поэтической и исторической правды, можетъ быть прощено больному и раздраженному человѣку, а не поэту. Вы Байрона-то, Байрона-то, скорбнаго и раздраженнаго, припомните, припомните эту дивную смѣсь негодованія на насиліе и любви къ великому, желчи на Англію и возвратовъ любви къ ней, къ ея величію,—которая властительно царствуетъ надъ вашей душою, когда читаете „Гарольда“. И не жалѣйте вы, пожалуйста, что не оцѣнила критика этого стихотворенія Некрасова, а пожалѣйте лучше, что больной поэтъ не исключилъ нѣсколько желчныхъ

1) „Праздничный сонъ до обѣда“, сцены А. Н. Островскаго.

Примѣч. А. Григорьева.

нятенъ изъ ряда своихъ высокихъ созданій. И не этимъ дорого намъ Некрасовъ, т.-е. не такимъ безпощаднымъ отношеніемъ къ дѣйствительности.

По одному этому эпизоду могутъ уже читатели судить о духѣ статьи. Къ ней, по одному этому эпизоду, можно обратиться съ словами: „*Loquela tua manifestam te facit*“¹⁾. Просаки, въ родѣ указаннаго, да казенщина—вотъ ея содержаніе, и говорить о ней серьезно, какъ о толкѣ, по поводу стихотвореній Некрасова—рѣшительно нечего. Это только съ вѣтру.

Обращаюсь теперь къ другой статьѣ, представляющей собою другой родъ критико-литературной путаницы,—путаницу домашнихъ дразговъ.

Эта другая статья напечатана въ старѣйшемъ изъ нашихъ толстыхъ журналовъ—въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Въ противоположность вышеупомянутой, она явнымъ образомъ писала критикомъ опытнымъ, критикомъ старымъ, исполнена застарѣлыми, такъ-сказать закорузлыми домашними дразгами. Она не бросается въ выпискахъ безразлично на хорошее и дурное: нѣтъ, какъ воронъ падали, щетъ она желчныхъ пятенъ и тыкаетъ въ нихъ пальцемъ, по большей части справедливо. Иной вопросъ—справедливъ ли весь духъ ея. Для назиданія современниковъ и памяти потомства я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе изложить ея содержаніе²⁾.

Начинаетъ статья прямо съ упрековъ поэту за то, что онъ въ одномъ стихотвореніи изображаетъ горькими чертами участь поэта, который

Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій,

и доказывается весьма основательно по отношенію къ нашему времени, что быть поэтомъ обличительнымъ гораздо *выгоднѣе*, чѣмъ быть поэтомъ незлобивымъ. Слово: *выгоднѣе*... Въ статьѣ впрочемъ не употреблено слово: *выгоднѣе*, но для тѣхъ, которые привыкли читать между строками, оно въ ней слышно.

Что же такое, спрашиваю я васъ, какъ не домашнія дразги подобный пріемъ?.. Отчего въ ту эпоху, когда Гоголь начиналъ

1) „Языкъ твой обличилъ тебя“.

2) Григорьевъ имѣетъ въ виду статью Дудышкина; главнаго критика „Отеч. Записокъ“.

одну изъ главъ своихъ „Мертвыхъ душъ“ элегіею о различной участи двухъ писателей: одного, на долю котораго выпало изображеніе „прекраснаго“ человѣка, и другого, на долю котораго досталось изображеніе пошлости пошлаго человѣка, никто не покушался начать статью о его поэмѣ доказательствами, что гораздо *выгодно* въ наше время изображать пошлость пошлаго человѣка?.. А вѣдь и тогда уже это очень зналось и чувствовалось!.. И тогда карающая поэзія видимо брала перевѣсъ надъ спокойной поэзіей... Статья все это очень хорошо сама знаетъ, но ей *выгодно* упрекнуть г. Некрасова за его ложное мнѣніе объ участи поэта-облителя...

Почему выгодно?—спросить можетъ быть немногіе читатели, непосвященные, несмотря на всѣ наши совокупныя усилія россійскихъ литераторовъ, въ наши *arsana fidei*, въ наши милые домашніе дрызги? А вотъ почему. Сразу надобно тонъ задать. Сразу нужно сказать, что желчное вдохновеніе музы Некрасова, если не всецѣло, то по крайней мѣрѣ наполовину—вдохновеніе преднамѣренное, вдохновеніе, такъ-сказать, рассчитавшее свои шаги.

Жалкій, больше позволю себѣ сказать—постыдный приемъ!.. А впрочемъ, коли хотите, не новый. Находились же люди, которые, на примѣръ, приписывали Шатобріану преднамѣренность и расчетливость въ его католическо-романтическихъ стремленіяхъ. Отчего же не заподозрить въ преднамѣренности и поэтовъ стремленийъ противоположныхъ? Нѣтъ нужды до того, что стихотворенія Некрасова вообще и стихотвореніе, указываемое критикомъ, въ особенности—исторически вышли изъ той эпохи, когда обличеніе и кара сами еще не вѣрили въ свою силу, когда сами поэты обличенія и кары, какъ Гоголь, Лермонтовъ и Некрасовъ, смотрѣли искренне, какъ на тяжкій крестъ, на свое мрачное призваніе. Нѣтъ нужды до міра души поэта, возмущеннаго преслѣдующими душу тягостными впечатлѣніями, міра, самому поэту подчасъ непереноснаго и который онъ считаетъ искренно столь же непереноснымъ подчасъ для его читателей. Нѣтъ нужды, наконецъ, и до того, что Лермонтовъ, столь же мало какъ и Некрасовъ имѣвшій право жаловаться на безучастіе людей къ его поэзіи, но преслѣдуемый давящимъ его кошмаромъ, суровыми и горькими чертами изображаетъ участь скорбнаго пророка, въ котораго всѣ ближніе его

Кидали бѣшено каменя...

Нѣтъ нужды ни до чего такого. Нужно только одно: внушить ловко и тонко подозрѣніе къ искренности „музы мести и печали“ любимаго читателями поэта...

„Пушкинъ — говоритъ затѣмъ, повидимому весьма резонно, статья—жаловался на толпу и г. Некрасовъ жалуется на толпу; Пушкинъ жаловался, что толпа не понимаетъ искусства, г. Некрасовъ жалуется, что толпа понимаетъ только искусство; Пушкинъ требовалъ чувства, г. Некрасовъ требуетъ желчи... Какое странное потемнѣніе и въ такой короткій періодъ времени. Здѣсь что-нибудь да не такъ“ . .

Это точно что не такъ. Но особенныхъ загадокъ, кажется, искать нечего.

Знаете ли что? Ежели мы сколько-нибудь поглубже всмотримся въ поэтическія, избранныя натуры, мы едва ли не дойдемъ до примиренія требованій Пушкина съ требованіями... ну, хоть Гоголя, ибо мнѣ, старовѣру, при всей любви моей къ поэзіи Некрасова, все какъ-то неловко, изволите видѣть, поставить его имя на одну доску съ именемъ одного изъ величайшихъ поэтовъ міра. Упрекая ли толпу за непониманіе искусства, какъ Пушкинъ, въ то время, когда одно только искусство поднимало душу человѣческую выше общаго Фамусовскаго и Молчалинскаго строя, и, устанавливая въ душѣ новыя требованія, готовило новую эпоху; упрекая ли толпу за то, что она понимаетъ только искусство,—подразумѣвается какое искусство: искусство безъ содержанія, искусство ставшее баловствомъ, празднымъ дилетантствомъ,—поэты всегда хотятъ отъ толпы одного: возвышенія ея душевнаго строя. Вѣдь не за то, положимъ хоть Некрасовъ, упрекаетъ толпу, что она понимаетъ искусство въ Пушкинскомъ смыслѣ: до пониманія этого искусства она по большей части не доросла, ибо—дорости она — такъ были бы ненужны

Бичи, темницы, топоры;

а за то, что она способна праздно баловаться разными наслажденіями, принимаемыми ею за искусство, и затѣмъ остается такъ же груба и безчувственна... Понятіе объ искусствѣ поклонники такъ-называемаго чистаго искусства, искусства для искусства, довели до грубѣйшей гастрономіи эстетической. Это понятіе, какъ кажется поэту, привилось и къ толпѣ. Вотъ съ этимъ-то онъ и ругаетъ, т.-е. съ пошлымъ и низкимъ душевнымъ строемъ толпы,

какъ ратоваль съ нимъ и Пушкинъ, знавшій тоже очень хорошо, какъ

Выстрадавнный стихъ

Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой,

и хвалившійся не тѣмъ, что онъ—„чистый художникъ“, а тѣмъ

Что чувства добрыя я лирой возбуждалъ...

Но пойдемте далѣе за искусной и ловкой статьей опытнаго критика.

„Однако жъ наши загадки—говорить онъ—будутъ продолжаться на тему только-что выписаннаго нами стихотворенія. Въ немъ цѣлый трактатъ о поэзи, трактатъ новый, не провѣренный критикой и основанный на новыхъ началахъ—желчи“...

Вѣдь вотъ охота же, подумаешь, видѣть всюду и вездѣ что-то новое!—неволью прерываю я выписку. Странное это, право, дѣло, что „Отечественныя Записки“, несмотря на свои почтенныя лѣта, не могутъ затвердить для себя мудрый совѣтъ Горация: *nil admirari!*.. То имъ покажется чѣмъ-то новымъ и особеннымъ наше народное міросозерцаніе, и они разжалуютъ какъ-разъ Пушкина изъ народныхъ поэтовъ, то имъ вдругъ ново то, что поэзія, какъ только она вышла изъ растительнаго момента, изъ непосредственнаго сліянія съ народною жизнью, какъ только она стала художественною—носитъ въ себѣ непремѣнно начала протеста, живетъ анализомъ и этимъ поднимаетъ душевный строй массы. Дѣйствительно, какъ говоритъ критикъ, „понятія наши спутались“; по выраженіе это относится собственно къ нему и къ его журналу. А все виноваты сказки, собранныя г. Афанасьевымъ, и псевдо-Якушкинскій сборникъ пѣсенъ. Не будь ихъ, этихъ явленій, перевернувшихъ вверхъ дномъ всю критику журнала,—понятія его критиковъ не спутались бы до того, чтобы народность, т.-е. національность, грубо смѣшавъ съ простонародностью и лишитъ Пушкина его національнаго значенія, вслѣдъ за чѣмъ слѣдовало бы логически лишитъ національнаго значенія и Гёте, и Шиллера, и даже самого Шекспира, оставшись, да и то съ грѣхомъ неполамъ, при Гебелѣ, Борнелѣ и Кольцовѣ ¹⁾. Съ другой стороны, еслибъ

¹⁾ Все предшествующее относится къ статьѣ Дудышкина: „Пушкинъ—національный поэтъ“ („Отеч. Записки“, 1860 г. № 3), которая настолько поразила Григорьева отрицаніемъ народнаго характера Пушкинской поэзи, что онъ неоднократно возвращался къ ней.

вчитались хорошенько критики журнала въ напечатанные у нихъ памятники растительной поэзіи, они бы убѣдились, хоть на раскольническихъ стихахъ, папримѣръ, что, какъ только народная жизнь раздвоится, поэзія начинаетъ жить протестомъ,—протестомъ и слезъ, и горя, и желчи. „Гдѣ жизнь, тамъ и поэзія“, говорилъ Надеждинъ. Можно добавить: гдѣ поэзія, тамъ и протестъ. Поэзія есть высшее, лучшее и наиболѣе дѣйствительное узаконеніе этого святѣйшаго изъ правъ человѣческой души. Оттого-то безъ ея „побрякушекъ“, по слову Гоголя, заглохла бы жизнь.

Кажется бы дѣло очень ясное, и что тутъ попустому путаться? Никакихъ новыхъ началъ, кромѣ изстаринныхъ и вѣчныхъ, въ современной поэзіи нѣтъ, да и быть не можетъ. Новы формы, а начала все тѣ же, какъ та же душа человѣческая, рѣшительно не подлежащая развитію. Что было для нея поэзіей, то поэзіей и осталось: одно—какъ прошедшее, потерявшее, конечно, свою толкающую впередъ силу относительно къ обществу, но сохранившее свою власть надъ индивидуальнымъ усовершенствованіемъ, другое—какъ настоящее, полное протеста и движенія. Такъ нѣтъ, критику кажется, что новыя „начала эти, какъ и стихотворенія г. Некрасова, успѣли утвердиться въ нашей литературѣ помимо критики, минуя ея привязчивыя требованія и одною силою обстоятельствъ, силою напора ихъ“... Да вѣдь дѣло-то въ томъ, что если дѣйствительно стихотворенія Некрасова успѣли утвердиться въ нашей литературѣ, то утвердились не во имя новыхъ началъ, а просто потому, что они—поэзія, что въ нихъ душа наша нашла отзывъ на свою жизнь; а если они утвердились помимо критики, такъ виновата въ этомъ близорукость нашей критики. Дѣло опять очень простое и путаться въ немъ нечего.

Критика наша, точно, молчала о стихотвореніяхъ Некрасова, и на то были двѣ причины. Одна заключалась въ независимыхъ отъ критики обстоятельствахъ, и ее разъяснить не нужно. Другая... другая рѣшительно заключалась въ печальныхъ домашнихъ дрязгахъ, которымъ она предалась съ какимъ-то упоеніемъ по смерти своего великаго руководителя Бѣлинскаго, домашнихъ дрязгахъ, вслѣдствіе которыхъ она долго не признавала Островскаго, туго молчитъ о Ѳ. Достоевскомъ, восторгалась „Обломовымъ“ и проч., и проч.

По отношенію къ Некрасову являются два сорта домашнихъ дрязгъ. Во-первыхъ, тѣ, вслѣдствіе которыхъ люди, внутренне

глубоко сочувствовавшіе его поэзіи, иногда какъ-будто враждебно къ ней относились, приводимыя въ справедливое негодованіе преувеличенными возгласами его исключительныхъ поклонниковъ; во-вторыхъ... а во-вторыхъ тѣ, вслѣдствіе которыхъ явилась на-примѣръ, статья „Отечественныхъ Записокъ“. Первые, хоть и дразги же, имѣютъ все-таки какой-либо литературный характеръ; другіе уже чисто основываются на личныхъ отношеніяхъ къ поэту. Не говоря, конечно, ни слова о сихъ послѣднихъ, критикъ „Отечественныхъ Записокъ“ мѣтко указываетъ на первые.

„Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ—гдѣ до настоящаго времени оцѣнка таланта г. Некрасова? Ея нѣтъ. Раздавались изрѣдка въ литературѣ похвальные отзывы о немъ, на него возлагались надежды; „современники“, нисколько не сконфуженные стихомъ г. Некрасова, что „заживо готовятся памятники только незлобивымъ поэтамъ“, говорили: „еслибы да не обстоятельства, мы имѣли бы случай видѣть нашего истиннаго поэта“—и эти скромные отзывы „современниковъ“ о своемъ поэтѣ замѣняли все: критику, похвалу, скромность и намекъ. Другіе, приведенные въ негодованіе намеками, старались отнять всякія достоинства у г. Некрасова“...

Это очень вѣрно, хотя далеко не полно. Я впрочемъ оставляю пока въ сторонѣ толкъ о домашнихъ дразгахъ, на которые указалъ критикъ „Отечественныхъ Записокъ“, и займусь тѣми, на которыхъ онъ, по естественному чувству самосохраненія, не указываетъ, т.-е. буду продолжать анализъ его собственной статьи.

„Мы — говоритъ критикъ вслѣдъ за вышеприведеннымъ мѣстомъ—не будемъ дѣлать ни того ни другого, а съ благодарностью возьмемъ то, что онъ предлагаетъ намъ прекраснаго, и укажемъ на то, что, по нашему мнѣнію, есть произведеніе одной желчи,— новаго принципа въ поэзіи, котораго мы не признаемъ (мы старовѣры и признаемъ чувство), или что составляетъ сухой перечень „хорошихъ мыслей“, по мнѣнію „современниковъ“, но по нашему мнѣнію не одно и то же, что поэзія“...

Все это прекрасно, кромѣ безусловнаго отрицанія законности желчи въ поэзіи, которую не должно смѣшивать съ болѣзненными желчными пятнами, и отрицая которую мы должны будемъ развѣнчать Байрона; все это прекрасно, повторяю я, но насколько это искренно—мудрено сказать.

„Благодарное принятіе“ прекраснаго, находящагося въ стихотвореніяхъ Некрасова, заключается:

1) Въ совершенно дикой и неумѣстной выходкѣ на поэта за стихотвореніе:

„Наивная и страстная душа“,

которое критикъ подозрѣваетъ посвященнымъ памяти Бѣлинскаго. Дикость выходки заключается въ томъ, что критику показалось почему-то стихотвореніе поэта обиднымъ.

2) Въ скромной похвалѣ стихотвореніямъ: „Въ Деревнѣ“, „Песчаная полоса“ и „Забытая деревня“, — похвалѣ, въ которой такъ и слышно, что эти стихотворенія хороши не столько сами по себѣ, сколько по выгодному выбору предмета, потому что ловко припоровились къ потребностямъ времени, при чемъ между прочимъ высказывается новое эстетическое положеніе, что „г. Некрасовъ рѣшительно не художникъ, а только лирикъ тамъ, гдѣ онъ можетъ совладать со стихомъ“, какъ-будто лирикъ — не художникъ.

3) Въ странномъ сопоставленіи поэмы „Саша“ съ Тургеневскимъ „Рудинымъ“ и обвиненіи поэта въ явномъ подражаніи.

4) Наконецъ, въ нѣсколькихъ справедливыхъ замѣткахъ насчетъ желчныхъ пятенъ поэзіи Некрасова.

Какой же заключительный выводъ статьи? А вотъ онъ вамъ цѣликомъ:

„Есть поэты съ міросозерцаніемъ широкимъ и узкимъ: это не подлежитъ сомнѣнію. Многіе вѣроятно думаютъ, что г. Некрасовъ принадлежитъ къ первымъ“...

Но я не продолжаю выписки. Вы уже поняли, что Некрасовъ принадлежитъ къ поэтамъ съ міросозерцаніемъ узкимъ. И прекрасно. Вся цѣль статьи заключалась въ этомъ выводѣ.

До опредѣленія существенныхъ свойствъ поэзіи Некрасова, разъясненія историческихъ причинъ ея появленія и громаднаго успѣха — критику нѣтъ дѣла. Онъ пишетъ явно подъ вліяніемъ одного только негодованія на исключительныхъ поклонниковъ Некрасова, и по временамъ подъ вліяніемъ другого сорта домашнихъ дрызгъ. Съ перваго приема чуетъ уже въ статьѣ какое-то затаенное враждебное настроеніе и не измѣняетъ ей во все ея теченіе ¹⁾.

По отношенію къ вопросу о значеніи поэзіи Некрасова она рѣшила дѣло столь же мало, какъ рутинно-хвалебная статья г. В. К—го.

¹⁾ О причинахъ и значеніи „домашнихъ дрызгъ“, на которые указываетъ Григорьевъ, см. предисловіе къ настоящей статьѣ. *Примѣч. В. С.*

II.

А вѣдь стоилъ и стоитъ серьезнаго обьизслѣдованія вопросъ о значеніи поэзін Некрасова, ибо значеніе это несомнѣнно. О немъ свидѣтельствуесть та необыкновенная популярность,—я не скажу еще народность,—которой достигли эти вдохновенія „музы местн и печали“. Вѣдь популярность эта куплена не однимъ тѣмъ только, что поэтъ затронулъ живую струну современности, указалъ на ея больныя мѣста. Вмѣстѣ съ этими *лирическими*, стало-быть, по мнѣнію критика „Отечественныхъ Записокъ“, *нехудожественными* произведеніями, являлось множество другихъ, съ бдльшими претензіями на художественность. Они затрогивали тѣ же струны, тревожили тѣ же больныя мѣста русской жизни. И они между тѣмъ почти-что забыты, даже очень талантливья изъ нихъ, какъ напрымѣръ, „Алтопъ-Горемыка“. Отчего же живутъ, да еще какъ живутъ до сихъ поръ самыя первыя пѣсни Некрасова? Какъ „ударяли“ онѣ разъ „по сердцамъ съ невѣдомою силой“, такъ и до сихъ поръ ударяють. Можно сказать даже, что сила ихъ на молодое поколѣніе все росла и росла въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Стало-быть есть же въ нихъ что-то такое свое, особенное, „Некрасовское“, и стало-быть это свое, особенное, Некрасовское коренится органически въ самомъ существѣ русской національности (я ужъ боюсь употреблять слово „народность“, ибо это понятіе слишкомъ обьузили въ послѣднее время). И вѣдь ужъ что хотите, ничего не подѣлаете: имя поэта не ставится въ рядъ съ именами даже даровитѣйшихъ изъ второстепенныхъ дѣятелей литературы, каковы, положимъ, въ разныхъ родахъ Феть, Писемскій, Гончаровъ: пѣтъ, оно наряду съ именами Кольцова, Островскаго, Тургенева. Шутка! Въ чемъ же эта особенность поэзін Некрасова, и вмѣстѣ въ чемъ ея національность, въ чемъ ея органическая сущность? Вотъ главный вопросъ, который должна предложить себѣ критика.

А между тѣмъ, все-таки прежде чѣмъ приступить къ этому прямому дѣлу, надобно очистить еще послѣдній домашній дрягъ. Онъ и поведеть впрочемъ къ прямому дѣлу.

Критикъ „Отеч. Запис.“ указалъ на тотъ фактъ, что „современники“ слишкомъ нецеремонно выражали свое крайнее сочувствіе къ поэзін Некрасова, но указаніе его неполно, неточно, и глав-

ное, — узко. Что намъ за дѣло, что „современники“, въ томъ узкомъ смыслѣ, какой явно желаетъ придать этому слову критикъ ¹⁾, говорили о Некрасовѣ, пожалуй, не больше того, что привелъ онъ, говорили прямо, что если бы не обстоятельства, то значеніе поэта въ нашей литературѣ было бы выше значенія Пушкина и Лермонтова?.. Мало ли что говорить у насъ можно. Да сила не въ томъ: они говорили, и ихъ слушали съ сочувствіемъ, слушали настоящіе современники, слушало молодое поколѣніе, и слушало *ихъ* только и питалось нравственно почти исключительно Некрасовскою поэзіею.

Перенесемтесь за пятнадцать лѣтъ назадъ. Еще имя Некрасова вовсе неизвѣстно — или извѣстно съ вовсе незавидной стороны. Некрасовъ еще водевилистъ или писатель повѣстей, не производившихъ особеннаго впечатлѣнія, но въ которыхъ порывшись найдешь уже заложеніе „мести и печали“. Еще всею силою своею давитъ насъ мрачное обаяніе поэзіи Лермонтова, еще за абсолютнымъ отрицаніемъ Гоголя не видать вдали ни болѣзненно-симпатичныхъ отношеній къ нашей жизни Достоевскаго, ни любви съ грустью пополамъ къ родной почвѣ Тургенева, ни — всего менѣе — здоровыхъ, простыхъ приемовъ Островскаго. Это еще время повѣстей сороковыхъ годовъ съ ихъ вѣчною темою о трагической гибели избранныхъ женскихъ и мужскихъ натуръ, задыхающихся въ грязной и душной „дѣйствительности“. Дѣйствительность наша намъ, совершенно одурманеннымъ привитыми извнѣ идеалами, кажется звѣремъ. Мы боремся съ нимъ, мы клеветимъ даже на этого звѣря, клеветимъ до цинизма, ругаемся надъ воспоминаніями дней,

извѣстныхъ

Подъ звонкомъ именемъ роскошныхъ и чудесныхъ,

разоблачаемъ безжалостно и даже иногда легкомысленно-безжалостно завѣтнѣйшія чувства наши, посмѣиваясь надъ ними и надъ многими дорогими образами. Еще разъ повторяю: мы клеветимъ и на себя и на дѣйствительность, т.-е. на начала нашего быта и собственной нашей души... Великій вождь нашъ самъ увлекся въ этотъ „необузданный потокъ“ и влечетъ насъ все далѣе и далѣе всей силою своей сердечной діалектики, ведемъ пламенемъ своего

1) Т.-е. литераторы, принимавшіе участіе въ „Современникѣ“ Некрасова.

краснорѣчія. Бѣлинскій сороковыхъ годовъ уже не тотъ Бѣлинскій тридцатыхъ, который жарко вѣрилъ въ искусство, какъ въ высшее изъ откровеній жизни. Бѣлинскій уже весь—протестъ, и все вмѣстѣ съ нимъ и вслѣдъ за нимъ протестуетъ, жарко, энергически, до крайнихъ граней, до клеветы.

Но не попрекайте, господа, насъ, людей той эпохи, этою клеветою. Законна была эта клевета. Она происходила отъ глубокаго, вполне русскаго, т.-е. цѣльнаго увлеченія великими идеалами, и мы, полные этими идеалами, сами, какъ различные, „Паташи“, „Романы Петровичи“¹⁾ и проч., задыхались въ тѣхъ поверхностныхъ слояхъ дѣйствительности, которые мы съ наивною принимали за слои бытовые. Въ односторонности нашего взгляда была вѣдъ и своя доля правды, лежали залогов безпощаднаго и вмѣстѣ прямого анализа. Мы были виноваты въ томъ только, что эти залогов сразу принимали за конечные результаты, что недостаточно всмотрѣлись въ самихъ себя и, снимая наносные слои, думали, что дорылись до почвы—и разрывались съ этою почвою. Разрывъ этотъ былъ постоянно привѣтствуемъ и напутствіемъ великаго вождя, и сочувствіемъ читающей массы. Мы мчались впередъ закусивши удила, пока не ударились въ какую-то стѣну. Натуры высшія, какъ Гоголь и Бѣлинскій, даже не выдержали этого удара и погибли рановременно, мученически. Ни тотъ, ни другой не имѣли даже отрады умирающаго Моисея,—отрады видѣть обѣтованную землю хоть издали. Одинъ изъ нихъ, Гоголь, погибъ вслѣдствіе трагической необходимости: ему не было выхода изъ его дороги: великій отрицатель могъ только сочинять, выдумывать положительныя стороны быта и жизни. Другой погибъ вслѣдствіе чистой случайности, уже, можетъ-быть, видя смутно грань поворота дороги. Какъ жизнь сама, пламенный и воспримчивый, онъ—пѣтъ сомнѣній—остался бы вѣчно вождемъ жизни, если бы организмъ его выдержалъ.

Но въ тотъ моментъ, въ который просилъ я перенестись мысленно читателя, мы еще лбомъ въ стѣну не ударились. Мы еще фанатически вѣрили и „въ гордое страданье“, и въ „проклятія право святое“—позволяю себѣ, для большаго *couleur locale*, брать самыя крайнія выраженія, заимствуя ихъ какъ у другихъ, такъ

¹⁾ Паташа—герония повѣсти Панаева „Родственники“; Романъ Петровичъ—герой „Послѣдняго визита“ Кудрявцева (Нестроева). *Примѣч. В. С.*

и у себя, у бывалаго себя той старой эпохи... 1) Еще не сказано было, или лучше, не сочинено еще было дешовою практическою мудростью охлаждающее слово „Обыкновенной исторіи“, еще Романъ Петровичъ „Послѣдняго визита“ не былъ для насъ „педантъ, вареный на меду“ 2), а казался чуть ли не идеаломъ человѣка, еще Тургеневъ не принялся за грустный и симпатичный, но тѣмъ не менѣе правдивый анализъ натуры сконфуженныхъ жизнию личностей, вынужденныхъ, по выраженію „Монологовъ“ одного поэта

...горько надъ своимъ безсиліемъ смѣяться
И видѣть вокругъ себя безсиліе людей;

еще и вдали не видѣлись намъ ни его „Лишній человѣкъ“, ни пустой, хоть и богато одаренный Веретевъ, ни безсильный дѣломъ, хотя могучій словомъ Рудинъ, ни честный, но въ концѣ загубленный предшествовавшимъ своимъ развитіемъ Лаврецкій...

Прошли годы—и

что жъ осталось,

Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей?

Что осталось отъ всей этой пламенно протестовавшей литературы сороковыхъ годовъ?.. Кто помнитъ „Послѣдній визитъ“, кто помнитъ повѣсти Сто-одного 3)—эти крайнія, голыя, сухія выраженія протеста, сходящія однако не только съ рукъ, но возбуждавшія даже интересъ своимъ голымъ протестомъ? Кто перечтетъ даже рассказы и повѣсти даровитаго Панаева?.. Знаете ли, что для насъ уцѣлѣло изъ всей этой эпохи? Стоны сердца одного поэта—да одно Некрасовское стихотвореніе, въ которомъ сжались, совмѣстились всѣ новости сороковыхъ годовъ,—первое стихотвореніе, выдвинувшее впередъ личность поэта. Вы, конечно, поняли, что я говорю о стихотвореніи „Въ дорогѣ“, объ этой горькой, односторонней, но правдивой въ своей односторонности пѣснѣ объ избранной и нѣжной натурѣ, загубленной дѣйствительностью, съ которой она разошлась и которая ее не понимаетъ, не можетъ понять, что это она

На какой-то патреть все глядить
Да чптаетъ какую-то книжку...

1) „Проклятія право святое“—выраженіе изъ стихотворенія самого Григорьева (см. его „Стихотворенія“ 1846 г.).

2) Выраженіе Тургенева въ его эпиграммѣ на Кудрявцева, которому принадлежит и повѣсть „Послѣдній визитъ“.

3) *Сто-одинъ*—А. Д. Гадаховъ, писавшій подъ этимъ псевдонимомъ въ „Отеч. Запискахъ“ 1845—47 гг.

Пу, зачѣмъ намъ перечитывать длинныя повѣсти о разныхъ Паташахъ, которымъ вмѣнялась авторами въ добродѣтель такая простая и обязательная вещь, какъ чистоплотность, все въ видѣ протеста противъ грубой и грязной дѣйствительности? Вся эпоха этихъ повѣстей тутъ, въ Некрасовской пѣснѣ, отлилась въ сжатую поэтическую форму, точно такъ же какъ всѣ варенья на меду скорби Романовъ Петровичей не стоятъ одного изъ горькихъ стоновъ Огарева.

Эта первая изъ Некрасовскихъ пѣсенъ совпала съ рядомъ новыхъ, неожиданныхъ явленій въ литературѣ. Она появилась въ „Петербургскомъ Сборникѣ“, а въ этомъ „Петербургскомъ Сборникѣ“ появились „Бѣдные люди“ Достоевскаго, появилась первая вполне блестящая вещь Тургенева: „Три портрета“ и его же поэма „Помѣщикъ“, которая была бы великолѣпною вещью, еслибы поэтъ написалъ ее какъ пародію на повѣсти сороковыхъ годовъ, поэма, въ которой, къ сожалѣнію, серьезно негодуешь поэтъ на „козлиные“ (вмѣсто: „козловые“) башмаки провинціальныхъ дѣвицъ, на то, что дѣйствительность ѣсть, пьетъ и спить...

Двѣ вещи „Сборника“ произвели общее сильное впечатлѣніе. „Бѣдные люди“ и Некрасовское стихотвореніе „Въ дорогѣ“. Разсказъ Тургенева „Три портрета“ не былъ оцѣненъ, и былъ только обруганъ К. Аксаковымъ за блестящее изображеніе „гнилого“ чело-вѣка, какъ-будто Тургеневъ выставялъ за идеаль своего Василя Лучинова и какъ-будто онъ, художникъ, виноватъ въ зловѣщемъ обаяніи представленнаго имъ образа!

Не потому только произвело сильное впечатлѣніе стихотвореніе Некрасова, что оно совмѣстило, сжало въ одну поэтическую форму цѣлую эпоху прошедшаго. И это, конечно, достоинство немалое. Но оно, это небольшое стихотвореніе, какъ всякое могучее произведеніе, забрасывало сѣти и въ будущее. Вглядитесь-ка въ него даже теперь, когда уже пятнадцать лѣтъ прошло съ его появленія. Не говорю о его формѣ, о томъ, что не поддѣлка подъ народную рѣчь, а рѣчь чело-вѣка изъ народа въ немъ послышалась,—пѣть, всмотритесь въ его содержаніе, въ новость постановки стараго вопроса. Когда вы читывали бывало „Послѣдній визитъ“, „Безъ разсвѣта“ ¹⁾ и повѣсти Панаева, вы, читатель, а паче всего вы, читательница, „ничтоже сумняся“, съ азартомъ винули грубую дѣйствительность: заѣла она, собака, избранныя личности

¹⁾ Повѣсти П. И. Кудрявцева („Отеч. Зап.“ и „Соврем.“ 1847 г.)

Елень, Паташъ, Романовъ Петровичей! Ну, а вѣдь читая даже тогда стихотвореніе Некрасова, вы едва ли съ озлобленіемъ отнеслись къ ямщику, хоть онъ и говоритъ:

А чтобъ бить — видить Богъ не биваль,
Развѣ только подь пьяную руку...

а можетъ-быть именно потому, что онъ *такъ* говоритъ.

Изъ стихотворенія явно было, что его писалъ человѣкъ съ народнымъ сердцемъ, человѣкъ закала Кольцова, что онъ не сочиняетъ ни рѣчи, ни сочувствій. И тѣмъ поразительнѣе была новость этой пѣсни, что подлѣ нея же другія стихотворенія Некрасова, несмотря на силу протеста, непріятно дѣйствовали то рутинностью, то водевильностью своего тона, непріятною для эстетическаго чувства, даже и въ такихъ сильныхъ по содержанію вещахъ, какъ:

Жизнь въ трезвомъ положеніи
Куда нехороша!

Въ явленіяхъ или, лучше сказать, въ откровеніяхъ жизни есть часто безспорный параллелизмъ. Новое отношеніе къ дѣйствительности, къ быту, къ народу, смутно почувствовавшееся въ стихотвореніи Некрасова, почувствовалось тоже и въ протестъ „Бѣдныхъ людей“, протестъ противъ отрицательной Гоголевской манеры, въ первомъ, еще молодомъ голосѣ за „униженныхъ и оскорбленныхъ“, въ сочувствіи, которому волею судебъ дано было выстрадаться до сочувствія къ обитателямъ „Мертваго дома“. Затѣмъ дѣло пошло разъясняться. „Петербургскій Сборникъ“ былъ только предвѣстникомъ „Современника“, но еще прежде появленія „Современника“, если память меня не обманываетъ, раздалась другая удивительная пѣсня Некрасова — объ „огородникѣ“, и тоже „ударила по сердцамъ съ невѣдомою силой“. Съ тѣхъ поръ пѣсни Некрасова сдѣлались, безъ преувеличиванія говоря — событіями.

Но... и вотъ тутъ-то я въ послѣдній разъ поднимаю послѣдній домашній дрязгъ: всѣ ли эти пѣсни, дѣйствовавшія какъ событія на молодое читающее поколѣніе, и какъ событія же дразнившія до пѣны у рта поколѣніе устарѣлое, — всѣ ли онѣ были такъ правильно-жизненны, какъ эти двѣ первыя? Человѣкъ съ народнымъ сердцемъ, съ такимъ же народнымъ сердцемъ, какъ Кольцовъ и Островскій, поэтъ (да проститъ онъ укору мнѣ, одному изъ жаркихъ его поклонниковъ), всегда ли, какъ Кольцовъ и

Островскій, бережно хранилъ чистоту своего народнаго сердца?.. Не кадилъ ли онъ часто личнымъ раздражительнымъ внушеніямъ и даже интересамъ минуты? Всегда ли онъ вполне сознательно и объективно ставилъ себѣ свои мучительные вопросы? Если нѣтъ, то зналъ ли онъ, какой отвѣтственности подвергается онъ передъ судомъ потомства, онъ, неотразимо увлекавшій своими пѣснями все молодое поколѣніе?

Вѣдь ужъ надобно все сказать. Я не виню Некрасова въ томъ, что молодое поколѣніе въ настоящее время никого кромѣ его не читало. Оно вообще ничего не читаетъ, и другъ мой, „ненужный человѣкъ“ едва ли не былъ правъ, назвавши свою циническую статью статью о распространеніи безграмотности и невѣжества въ російской словесности ¹⁾,—но въ этомъ не виноватъ поэтъ, а виноваты его неумѣренные и исключительные поклонники, въ родѣ покойнаго Добролюбова и др. Я виню Некрасова въ томъ, что онъ иногда слишкомъ отдавался своей „музѣ мести и печали“, руководился подчасъ слѣпо, бессознательно, стало-быть недостойно истиннаго художника, ея болѣзненными внушеніями. Неужели ему самому любо, что наравнѣ съ высокими его пѣснями, поколѣніе, на пѣсняхъ его воспитавшееся, восторгается бессмысленно и желчными пятнами, въ родѣ стихотворенія о двѣнадцатомъ году, „Свадьбы“, сказанія о Ванькѣ ражемъ и проч., и проч.? Неужели ему любовь такой безразличной и бессмысленной восторгъ? Вѣдь онъ поэтъ, и большой поэтъ! Вѣдь его впечатлительной натурѣ доступнѣе, чѣмъ многимъ другимъ, должна быть простая, но мученически выстраданная Гоголемъ истина, что „съ словомъ надобно обращаться честно“.

Было время, и не такъ еще давно было, когда я, сочувствуя всѣмъ сердцемъ поэзіи Некрасова, положительно ненавидѣлъ вліяніе этой поэзіи на эстетическое, умственное и нравственное развитіе молодого поколѣнія, хотя очень хорошо сознавалъ, что не сама она, не поэзія виновата, а поэтъ, слѣпо къ ней относящійся, и преимущественно его яростные поклонники. Вѣдь одной поэзіей желчи, негодованія и скорби слишкомъ мало для души человѣческой. Но теоретики рѣшительно сумѣли увѣрить своихъ послѣдователей, что это одно только и нужно. Своей „соблазнительной ясностью“ они отучали ихъ мыслить; своимъ послѣдова-

¹⁾ „Время“ 1861 г. № 3; псевдонимомъ „ненужнаго человѣка“ пользовался довольно часто самъ Григорьевъ..

тельнымъ азартомъ они отучали ихъ чувствовать широко и многосторонне. На нашихъ глазахъ совершались и доселѣ еще совершаются идольскія требы теоріи. Говорить ли о нихъ? Факты всѣмъ извѣстны. Поэзія Пушкина—не говорю ужъ о другихъ, *меньшихъ*—побрякушки, и въ концѣ-концовъ, поэзія вообще побрякушки. Некрасовъ для теоретиковъ—кумиръ, не потому что онъ поэтъ, а потому что онъ шевелить и раздражаетъ. Не могу опять не спросить: любо ли поэту такого рода поклоненіе теоретиковъ, отрицающихъ поэзію вообще? Любо ли ему, поэту съ народнымъ сердцемъ, поклоненіе теоретиковъ, отрицающихъ народность? Наконецъ, любо ли ему бессознательное поклоненіе молодой толпы, эстетически развращенной до безнадежности, — поклоненіе разныхъ фальшиво-эмансипированныхъ барынь, которыя, закатывая глаза подъ лобъ, читаютъ съ паэосомъ:

„Бду ли ночью по улицѣ темной“

и извлекаютъ изъ этого больного, хотя могущественнаго вопли души—безнадежнѣйшую философію распутства?.. Вѣдь ужъ сколькимъ порядочнымъ людямъ оскомину онѣ набили этимъ стихотвореніемъ!

Да не оскорбится поэтъ этими укорами. Онъ знаетъ очень хорошо, что они дѣлаются критикомъ не во имя рутинной нравственности и, съ другой стороны, не во имя „искусства для искусства“. Нравственна въ поэзіи—правда, и только правда; но зато уже требованіе трезвой, никому и ничему нельстящей и некадыщей правды отъ поэзіи не должно знать тоже никакихъ каденій и никакихъ приличій. Правда поэзіи никогда не должна быть личная или минутная правда. Поэзія—не простое отраженіе жизни, безразличное и безвыборное въ отношеніи къ ея безконечно разнообразнымъ случайностямъ, а осмысленіе, оразумленіе, обобщеніе явленій. Въ томъ ея смыслъ, значеніе, законность, вѣчность—вопреки ученію теоретиковъ, осудившихъ ее *пока* на рабское служеніе теоріи, а въ будущемъ на конечное уничтоженіе, какъ вещи ненужной и бесполезной,—да вопреки же и ученію эстетическихъ гастрономовъ, обратившихъ ее въ какой-то *saucе piquante* жизни. Поэты истинные, все равно, говорили ли они:

Я не поэтъ—я гражданинъ,

или:

Мы рождены для вдохновеній,

Для звуковъ сладкихъ и молитвъ,—

служили и служат одному: идеалу, разнясь только въ формахъ выраженія своего служенія. Не надобно забывать, что руководящій идеаль, какъ Егова израильтянамъ, является днемъ въ столпѣ облачномъ, а ночью въ столпѣ огненномъ. Но каково бы ни было отношеніе къ идеалу, оно требуетъ отъ жреца одного: неуклонной, неумытнотой правды.

Вотъ почему вездѣ, гдѣ поэтъ, и такой большой по натурѣ поэтъ, какъ Некрасовъ, увлекаясь минутнымъ раздраженіемъ, не договариваетъ полной правды или далеко переступаетъ предѣлы общей правды, критика должна быть въ отношеніи къ нему безпощадна.

А она до сихъ поръ или безусловно и безразлично восторгалась его поэзіею, или молчала.

Безусловно и безразлично восторгалась та критика, для которой поэзія вообще—побрякушки, терпимыя только до поры, до времени. Молчала критика, которую (хоть это и очень „жалости подобно“, хоть это и бросить, пожалуй, на нее тѣнь смѣшного) не обинуясь назову я однако *обиженной*.

Да, она дѣйствительно обижалась, эта критика, упорно вѣрующая въ вѣчность законовъ души человѣческой и въ вѣчное значеніе вѣчнаго искусства,—но не обижалась самой поэзіей Некрасова, а исключительнымъ деспотизмомъ этой поэзіи; обижалась за человѣческую душу, которой многообразныя и широкія требованія такъ безжалостно обрѣзывались и суживались теоретиками, и потому собственно обижалась, что побѣда факта была на сторонѣ теоретиковъ. Одинъ изъ глубокихъ и самостоятельнѣйшихъ мыслителей, въ нашу эпоху знаменъ, доктринъ и теорій не стоящій ни подъ какимъ знаменемъ, Эрнестъ Ренанъ сказалъ гдѣ-то: „il n'y a que de pensées étroites qui régissent le monde“. И онъ совершенно правъ. Узкая, т.-е. теоретическая мысль можетъ быть всегда изложена, при извѣстной степени таланта въ излагатель, до „соблазнительной ясности“. Развитие ея весьма несложно. Полявншее отрицаніе съ одной стороны (а читатель знаетъ, что нѣтъ ничего сильнѣе отрицанія) и вдали идеальчикъ, хотя на время и окружаемый таинственнымъ шимбомъ, но тѣмъ не менѣе очень доступный. Вотъ и все. Другой вопросъ—почему, по какимъ побужденіямъ душа человѣческая легко ловится на удочку отрицанія? Если читатели только справятся съ собственной совѣстью, то увидятъ, что часто по крайней мѣрѣ исключительное сочувствіе

къ отрицанію основывается у нихъ на рабской боязни показаться менѣе умными и передовыми людьми, чѣмъ другіе умные и передовые люди. Другой тоже вопросъ—успокоится ли душа человѣческая на доступномъ идеальчикѣ.

Вотъ почему постоянно молчала обиженная критика о поэзіи Некрасова. Глубоко сочувствуя ей самой, она перѣдко обращалась къ ней внутренно со словами:

Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвостъ—

тѣмъ болѣе, что между кометою и ея хвостомъ видѣли связь не органическую, а механическую, чисто случайную, и злясь на это и обижаясь странными, уродливыми послѣдствіями факта, о самомъ фактѣ, т.-е. о поэзіи Некрасова прорывалась только „скрежетомъ зубовнымъ“—указаніями на Вальку ражаго, на „торгаша, у коего украденъ былъ калачъ“ и прочія весьма мало изящныя пятна могучей, но довольно неряшливой „музы мести и печали“.

Но чтобы не оставить ничего недоговореннымъ въ настоящей статьѣ, чтобы до послѣднихъ, крайнихъ предѣловъ послѣдовательности довести искренность, я долженъ сказать, что обиженная критика сама была не во всемъ права и чиста. Она долго и упорно сидѣла сиднемъ на одномъ мѣстѣ: вѣрующая въ откровенія жизни и потому самому жарко привязанная къ откровеніямъ, сию уже воспринятымъ, она была нѣсколько непослѣдовательна въ своей вѣрѣ. Она какъ будто недовѣрчиво чуждалась новыхъ жизненныхъ откровеній и бессознательно впала на время въ односторонность.

Чтобы читатели совершенно ясно поняли въ чемъ вся „суть“ дѣла, la pointe de la chose, я опять попрошу ихъ перенестись мысленно въ эпоху нашихъ эстетическихъ понятій уже не за пятнадцать лѣтъ назадъ, а нѣсколько ранѣе,—лѣтъ за двадцать.

Вѣдь это была хорошая тоже эпоха нашего духовнаго развитія, плодотворная и обильная результатами эпоха, когда Рудины „безобразничали“ до самой страшной діалектической смѣлости,—до смѣлости крайняго *положенія*, смѣлости несравненно болѣе страшной, чѣмъ смѣлость крайняго *отрицанія*,—до статей Бѣлинскаго о „Бородинской годовщинѣ“. Нѣсколько разъ уже случилось мнѣ говорить объ общихъ чертахъ этой эпохи *отрочества* нашего сознанія, эпохи, когда Рудины на вѣру и съ пламенною

вѣрою приняли змѣнное положеніе учителя: „was ist, ist vernünftig“ и принялись съ азартомъ за послѣдовательнѣйшее оправданіе всяческой дѣйствительности. Съ высоты величія смотрѣли они тогда на гораздо болѣе практическихъ и возмужалыхъ, чѣмъ они, Бельтовыхъ, казавшихся имъ жалкими фрондерами,—а Бельтовы „étaient dans leur barbe“, зная инстинктивно и практически, что змѣя кусаетъ свой хвостъ... Бельтовы оказались, конечно, правы во виѣшнихъ результатахъ, но едва ли бы одни они, безъ Рудиныхъ, могли привести наше сознаніе къ тѣмъ многознаменательнымъ результатамъ, которые являются въ настоящую эпоху. Вѣдь Рудины были, съ одной стороны, Бѣлинскій, съ другой—лучшія силы славянофильства...

Но дѣло не въ общемъ характерѣ той эпохи отрочества нашего сознанія, а въ тогдашнихъ нашихъ эстетическихъ понятіяхъ.

Жаркіе неопиты новой вѣры, послѣдовательные до безпощадности, какъ всѣ русскіе люди,—ибо намъ жалѣть-то, казалось, было нечего,—мы отреклись разомъ отъ всѣхъ литературныхъ кумировъ, которымъ еще за годъ какой-нибудь совершали вакханальныя требы... Мы отреклись отъ всякой „тревожной“ поэзій, заклеивши ее именемъ „субъективной“: хуже и обиднѣе прозвища въ то время не было какъ „субъективность“... „Субъективность“ въ поэтѣ была чуть-чуть что не уголовщиной въ глазахъ тогдашнихъ Рудиныхъ. Съ вождемъ сознанія, Бѣлинскимъ, молодое поколѣніе эпохи отеклось, во имя художества и объективности, отъ Гюго и Бальзака, за годъ назадъ имъ боготворимыхъ, молчало въ какомъ-то недоумѣніи о Байронѣ и съ высоты отроческаго величія начало посматривать на великаго Шиллера, которому неизмѣнно вѣрны оставались *практическіе* Бельтовы. Результатомъ было одностороннее, но глубокое пониманіе искусства, до того глубокое, что слѣдъ его не исчезъ даже тогда, когда съ коня художественности и объективности великій критическій вожатый пересѣлъ на коня паэоса и выставилъ намъ на поклоненіе Санда, не совсѣмъ исчезъ даже и тогда, когда онъ осѣдлалъ яраго бѣгуна протеста и понесся на немъ, увлекая насъ за собою...

Въ односторонности пониманія поэзій была глубина дѣйствительная. Односторонность встрѣчала себѣ оправданіе техническое во всѣхъ великихъ мастерахъ искусства—въ старомъ Гомерѣ и въ старомъ Шекспирѣ, въ Гѣте и въ Пушкинѣ, даже въ Байронѣ и въ Шиллерѣ, когда ближе присмотрѣлись къ основамъ творче-

ства и къ фактурѣ этихъ великихъ художниковъ, даже въ самой Сандѣ, гдѣ она не увлекается теоріями своихъ „amis invisibles“... Идеаль поэта поистинѣ представлялся великимъ: сила, какая бы она ни была, огненная и стремительная, или полная любви и спокойствія, но всегда самообладающая, всегда объективная, даже въ субъективнѣйшихъ изліяніяхъ, все возводящая въ „перлъ созданія“. Согласитесь, что вѣдь много и правды въ этомъ идеалѣ, по крайней мѣрѣ на двѣ трети, если даже не на три четверти. Разстаться съ этимъ идеаломъ и съ его мѣркою нелегко критикѣ, которая себѣ его усвоила. Въ особенности относительно лирической поэзіи сформовался у критики опредѣленнѣйшій, строжайшій и тончайшій вкусъ. Оно и понятно. Кто воспитался на самомъ ясномъ и яркомъ изъ поэтовъ, на Пушкинѣ, да на стальномъ стихѣ Лермонтова, тому трудно помириться и съ многоглаголаніемъ, „въ немже нѣсть спасенія“, этимъ общимъ французскимъ недостаткомъ лирическихъ произведеній величайшаго поэта Франціи Гюго, и еще болѣе того—съ неряшливостью современныхъ нашихъ музъ. Ядра, зерна, Kern прежде всего требовала критика отъ лирическаго стихотворенія и скорлупы вокругъ него ровно настолько, насколько это нужно—ни больше, ни меньше. „One shade the less, one ray the more“¹⁾ и проч.; больше—такъ будетъ пухло и водянисто, меньше—голо и сухо. Требованіе строгое, суровое, но вѣдь, какъ хотите, справедливое технически, по крайней-мѣрѣ оправдывающееся на созданіяхъ всѣхъ великихъ артистовъ—отъ „моремъ шумящихъ“ гексаметровъ Одиссеи до мѣднолитыхъ терцинъ „Inferno“, отъ прозрачной ясности Пушкинской „Полтавы“ до мрачной сжатости Байронова „Гяура“.

Съ другой стороны, критика требовала отъ лирическаго стихотворенія, чтобы въ немъ самое личное, не теряя своего личного характера, пожалуй самаго капризнаго, пожалуй самаго угловатаго,—обобщалось, по любимому тогдашнему выраженію, нынѣ страшно опошлившемуся,—„возводилось въ перлъ созданія“, т.-е. проще говоря, выяснялось такъ, чтобы его особенность, его самость становилась ярка и наглядна, понятна для всѣхъ, являлась бы съ правами законнаго гражданства. Понятно, что вслѣдствіе этого начала глубочайшія ли тайны внутренняго міра, высказываемыя Тютчевымъ, капризнѣйшія ли тончайшія изъ ощущеній Фета—равно

¹⁾ „Одною тѣнью меньше, одной чертою больше“...

были законны для этой критики. Между тѣмъ критика не была только критикой формъ: она узаконивала всѣ движенія, ощущенія, инстинкты, даже признаки ощущеній души человѣческой, лишь бы все это облекалось въ объективную форму, не стѣсняя впрочемъ поэтовъ ни Пушкинской ясностью, ни Байроповскою сжатостью, предоставляя на ихъ волю колоритъ, формы. Требованіе опять - таки справедливое технически, но оно-то, послѣдовательно проведенное, и вело насъ къ односторонности.

Не подымая уже вопроса о томъ, что это воззрѣніе лишало законнаго существованія цѣлыя полосы европейской поэзіи вообще, что передъ нимъ исчезали почти всѣ французы новые и старые, исчезали Мильтоны и Тассы, я только обращаюсь къ современнымъ намъ и притомъ чисто лирическимъ явленіямъ. Вспомните, что не только о Некрасовѣ упорно молчала обиженная критика: она стала совершенно равнодушна къ Майкову и вовсе не признавала Мея. Явленія, кажется, совершенно несходныя, даже во многихъ случаяхъ противоположныя, но между тѣмъ они равно исчезали передъ критическими принципами, проведенными до крайней послѣдовательности. Недовольная преизбыткомъ чисто-субъективныхъ впечатлѣній, примѣсю водевильной грязи и вообще неряшливостью формъ музы Некрасова, хотя часто невольно, нехотя сочувствовавшая ея несомнѣнной силѣ, обиженная критика видѣла въ Майковѣ и Меѣ только богатство формъ, техническое мастерство безъ внутренняго содержанія, безъ той личной особенности воззрѣній и чувствованій, которая давала въ ея глазахъ право на мѣсто въ жизни лирической поэзіи. Она видѣла—чтобы яспѣй и удобопонятнѣй выразиться—въ Некрасовѣ пѣвца съ огромными средствами голоса, но съ совершенно попорченной манерой пѣнія; въ Майковѣ и Меѣ—при огромныхъ натуральныхъ средствахъ, совершенное отсутствіе какой-либо манеры...

Всякій принципъ, какъ бы глубокъ онъ ни былъ, если онъ не захватываетъ и не узакониваетъ всѣхъ яркихъ, могущественно дѣйствующихъ силою своею или красотою явленій жизни, одностороненъ, слѣдовательно ложенъ. И ложь его скоро обличается, когда развившаяся изъ него доктрина молчаніемъ встрѣчаетъ явленія, силъ которыхъ сама она противостоятъ не можетъ, но которыя ей не по шерсткѣ; когда не сочувствуетъ она ряду другихъ явленій, которыхъ красота не подходитъ подъ ея глубокій, но все-таки односторонній принципъ.

Найдется ли когда-либо всесторонній принцип—я не знаю, я уже конечно, не мечтаю самъ его найти. Принципъ, который выдвинула доктрина исключительныхъ поклонниковъ Некрасовской поэзіи, еще уже, еще одностороннѣе. Критикъ остается вѣрить въ одно: въ откровеніе жизни; вѣрить, разумѣется, не слѣпо, ибо съ слѣпою вѣрою узаконишь, пожалуй, подъ вліяніемъ минуты, и напряженный *satyriasis* г. Щербины, и *salto mortale* юной музы г. В. Крестовскаго, и „мишуру“ г. Минаева,—а отыскивая органическую связь между явленіями жизни и явленіями поэзіи, узаконивая только то, что развилось органически, а не просто діалектически. Такъ, напримѣръ, „мишура“ г. Минаева—вѣдь это діалектическое послѣдствіе поэзіи Некрасова; но органическое ли оно? Такъ, въ сферѣ болѣе широкой, разные топорныя издѣлія александринскихъ драматурговъ настоящаго времени и множество печатаемыхъ въ нашихъ журналахъ сценъ и этюдовъ изъ купеческаго быта—діалектическія послѣдствія Островскаго, но органическое начало остается только за драмами Островскаго. Надобно различать ядро отъ шелухи.

Очистивъ съ возможной искренностью дѣло о Некрасовѣ отъ всего посторонняго, отъ всего, что собственно до его поэзіи не относится, я могу теперь приступить къ анализу поэтической дѣятельности нашего поэта.

III.

Истинная существенная сила явленій искусства вообще и поэзін въ особенности заключается въ органической связи ихъ съ жизнью, съ дѣйствительностью, которымъ они служатъ болѣе или менѣе осмысленнымъ и отлитымъ въ художественныя формы выраженіемъ. А такъ какъ никакая жизнь, никакая дѣйствительность немислимы безъ своей народной, т.-е. національной оболочки, то проще будетъ сказать, что сила эта заключается въ органической связи съ народностью.

Идея націонализма въ искусствѣ вовсе не такъ узка, какъ это покажется, можетъ-быть, яримъ поборникамъ прогресса. Она вовсе не исключаетъ, конечно, „общечеловѣчности“, да и не можетъ ея исключать. Основы общечеловѣчности лежатъ даже въ растительныхъ, повидимому исключительныхъ явленіяхъ искусства, т.-е. напримѣръ, въ поэтическомъ мірѣ народныхъ сказаній и мническихъ представленій, связанныхъ у всей индо-кавказской расы

довольно очевидно, а у расъ вообще хотя и скрытую, но все-таки необходимо существующею нитью. Чѣмъ шире развивается національность, тѣмъ болѣе амальгамируется она съ другими національностями, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не теряет своей особенности въ жизни и искусствѣ на самыхъ верхахъ своего развитія. Шекспиръ, Байронъ, Диккенсъ и Теккерей, Гете, Шиллеръ, Гофманъ и Гейне, Дантъ и Мицкевичъ, Гюго и Сандъ—достояніе общечеловѣческаго интереса, но вмѣстѣ съ тѣмъ они въ высшей степени англичане, нѣмцы, итальянцы, поляки и французы. Если нельзя равномѣрнаго общечеловѣческаго значенія приписать нашимъ большимъ поэтамъ: Пушкину, Грибоѣдову, Лермонтову, Гоголю, Тургеневу, Островскому,—виною этому не недостатокъ въ нихъ силы, а національная замкнутость содержанія. Къ пониманію этого замкнутаго міра европейскіе наши братья должны *подходить*, и тѣ изъ нихъ, которые брали на себя трудъ этотъ, т.-е. *подходили*, исполнялись глубокаго уваженія къ работавшимъ и работающимъ въ немъ силамъ.

Развиваю эти общія положенія потому, что они къ величайшему сожалѣнію совершенно позабыты. Съ одной стороны, въ лицѣ западничества мы отреклись, да и доселѣ еще безмолвно отрекаемся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, отъ всякаго значенія работы нашихъ силъ, еще подавляемые сравненіемъ ея съ широкою работою силъ романо-германскаго міра. Съ другой стороны, мы въ лицѣ славянофильства отрицаемъ, какъ ложь, все значеніе этой работы съ тѣхъ поръ, какъ она перестала совершаться въ узкой раковинѣ,—раковинѣ собственно не національной, чего не хочетъ видѣть славянофильство, а византийско-татарской. Съ третьей стороны, наконецъ, въ лицѣ теоретиковъ мы вообще отрицаемся отъ идеи національности въ пользу общей идеи, которая на языкѣ благопристойномъ зовется человѣчествомъ, а на циническомъ, хотя въ этомъ случаѣ очень мѣткомъ языкѣ *père-Duchesne*'я новѣйшихъ временъ—„человѣчиной“.

Не разъ уже было отвѣчаемо людьми вѣрующими въ жизнь, философію, искусство и національность, на эти различнаго рода отрицанія. Возраженія эти могутъ быть удобно и легко сжаты, такъ сказать, приведены къ знаменателямъ.

Перваго рода отрицателямъ отвѣчать можно, что какъ ни широко развилась романо-германская жизнь, но вѣдь намъ не повторять же ее стать: она для насъ прошедшее,—какъ для нея самой

была прошедшимъ эллино-латинская. „Ужь какъ ни какъ, а сдѣ-
лалось“, что мы должны жить собственной жизнью. Совершенно
вѣря съ г. Буслаевымъ въ органическую связь нашихъ раститель-
ныхъ, миѳическихъ и поэтическихъ основъ съ основами обще-евро-
пейскими, мы не можемъ однако утаить отъ себя того, что „волею
судебъ“ на нихъ лежатъ такіе византійскіе и татарскіе слои, ко-
торые по формѣ образовали изъ нихъ нѣчто совершенно новос.
Новость и особенность эта приводила нѣкогда въ соблазнъ самыя
сильныя умы, каковы были Чаадаевъ и Бѣлинскій, а пожалуй и
доселѣ способна приводить въ соблазнъ умы ограниченныя и от-
ставшіе; не очень давно еще повторилъ г. Гымалэ¹⁾ старую пѣсню
о безмыслии нашего сказочнаго міра, его миѳическихъ и поэти-
ческихъ представленій.

Второго рода отрицателямъ отвѣтить можно и должно, что сколь-
ни похвально въ нихъ смиреніе передъ старымъ фактомъ, т.-е. пе-
редъ московскою Русью, но исторія наша до сихъ поръ предста-
вляетъ на всякомъ шагу печальныя доказательства того, что на
этомъ смиреніи далеко не уѣдешь. Притомъ же глубокомысленнѣй-
шій изъ мыслителей этого направленія всегда различалъ Божье
попущеніе отъ Божьяго соизволенія. Но какъ бы то ни было, и
къ до-Петровской Руси воротиться Русь едва ли бы захотѣла, къ
Руси же XII столѣтія, хотя бы и хотѣла, да не можетъ, по край-
ней мѣрѣ относительно формъ. Прожитой нами послѣ реформы
жизни не уничтожишь: она *была*, и отрицать, какъ ложь, силы
въ ней работавшія—донъ-кихотская потѣха, конечно невинная, но
нимало не забавная.

Третьяго рода отрицателямъ отвѣчать нечего до тѣхъ поръ, пока
окончательно не усовершенствуется „человѣчина“. Это же будетъ,
когда чортъ умретъ: а у него, по сказаніямъ, еще и голова не болѣла.
Идея націонализма остается стало-быть единственною, въ кото-
рую можно безопасно вѣрить въ настоящую минуту.

Меня спросятъ можетъ быть: почему я иностранныя термины
„национализмъ“, „национальность“ употребляю вмѣсто русскаго
термина „народность“? А очень просто—поневоля, потому что въ
послѣднее время запуталось множество вопросовъ, а въ томъ чи-
слѣ запутался и вопросъ о народности.

¹⁾ Псевдонимъ Ю. А. Волкова, сотрудника „Библиотеки для Чтенія“ и „СПб.
Вѣдомостей“.

Народность явно и исключительно принимается славянофильством то за растительную, то за до-Петровскую; „Отечественными Записками“, съ тѣхъ поръ, какъ онѣ познакомили себя и свою публику съ псевдо-Якушкинскимъ сборникомъ пѣсенъ,—то за растительную народность, то исключительно за простонародность. Да это бы еще ничего, что теоретики того или другого сорта спутали сами для себя и для многихъ весьма простую вещь. Недавно человекъ дѣла, художникъ, да еще не малый, не скудно одаренный силами, графъ Л. Толстой отозвался—и отозвался какъ-будто отрицательно на кабинетный вопросъ г. Дудышкина—о томъ: народный ли поэтъ Пушкинъ? Онъ объявилъ въ своей „Ясной Полянѣ“, что опыты приблизить перваго нашего великаго поэта къ народному пониманію не удались и не удаются. Нужды нѣтъ, что этотъ фактъ можетъ приводить въ соблазнъ только тѣхъ, кто на время или навсегда проникнулись вѣрою въ безусловную правомѣрность растительной народности,—фактъ все-таки приводитъ въ соблазнъ: фактъ подтверждаетъ, повидимому, одно изъ основныхъ положеній г. Дудышкина, что Пушкина народъ не читаетъ.

„И не будетъ читать“, добавляють съ равною, хотя на разныхъ началахъ основанною радостью, теоретики двухъ лагерей.

А Пушкинъ—пока еще наше все, что полного, цѣльнаго, великаго и прекраснаго дало намъ наше духовное развитіе. До того онъ наше все, что критика журнала, допрашивавшаго наше сознание о томъ, народный ли онъ нашъ поэтъ,—для того, чтобы кольнуть „Минина“ Островскаго (кольнуть-то было надо, по старымъ домашнимъ дрязгамъ), а за нею и какой-то г. Омега, должны были прибѣгнуть къ сравненію „Минина“ съ „Борисомъ Годуновымъ“...

Милостивые государи! вы уничтожаете народное (національное или народное? объяснитесь наконецъ) значеніе Пушкина, т.-е. другими словами говоря, отрицая значеніе великаго поэта въ развитіи и для развитія народа, вы, во-первыхъ, уничтожаете значеніе всякой художественной поэзіи, а во-вторыхъ, уничтожаете почти всю нашу литературу ¹⁾.

¹⁾ Это обращеніе, какъ и вся дальнѣйшая полемика, вызваны статьей Дудышкина: „Пушкинъ—національный поэтъ“, въ которой критикъ, исходя изъ сравненія Пушкинской поэзіи съ печатаннымъ въ приложеніи къ „Отеч. Запискамъ“ собраніемъ народныхъ пѣсенъ (Якушкина), отрываетъ право Пушкина на званіе народнаго поэта.

Позвольте разъяснить дѣло.

Изъ того, что народъ доселѣ еще можетъ понимать чувствомъ только міръ своихъ поэтическихъ сказаній, любоваться только сездальскими литографіями, пѣть только свои растительныя пѣсни, слѣдуетъ ли похѣреніе въ его развитіи и для его послѣдующаго развитія, Пушкина, Брюлова, Глинка?.. Вѣдь до пониманія искусства человѣкъ, при всей даровитости,—дорастаетъ, иногда долго, иногда скоро, но дорастаетъ. Отчего-же это даровитѣйшіе изъ представителей русской природы—беру нарочно такихъ, которые не разъединились съ непосредственною народностью, связаны съ ней кровными связями, положимъ хоть Кольцовъ что ли, Некрасовъ,—такъ глубоко понимали Пушкина? Вонъ одинъ цѣлую великолѣпную „думу“ написалъ по поводу его смерти, а вонъ другой по поводу стиховъ его восклицаетъ:

Да, звуки чудные!.. Ура!
Такъ поразительна ихъ сила,
Что даже сонная хандра
Съ души поэта соскочила.

Вы скажете, что я выбралъ неудачный примѣръ, что это исключительныя поэтическія натуры? Хорошо-съ. Ну, а почему Кулигинъ въ „Грозѣ“ Островскаго, этотъ умный и даровитый же, но вовсе не поэтическій человѣкъ, для выраженія своихъ чувствованій прибѣгаетъ не къ растительной почвѣ, а къ художественной поэзіи, по своему разумѣнію, къ стихамъ Ломоносова? И вѣдь вы, конечно, не скажете, чтобъ это было невѣрно? Нѣтъ, это глубоко вѣрно. Человѣкъ вышелъ изъ растительной сферы, доросъ до другой. Отзывы первой—нужды нѣтъ, что они несравненно выше начальнаго лепета нашей художественности,—его не удовлетворяютъ.

Что вы толкуете, господа! Вѣдь поэтъ *народнаго* въ вашемъ узкомъ, смыслѣ вы не найдете ни въ одной литературѣ. Вы скажете, на примѣръ, что вонъ тамъ, на зыблѣхъ голубой Адриатики, гондольеры поютъ октавы Тасса? Да вѣдь это вздоръ! они не октавы Тасса поютъ, а собственныя искаженія октавъ Тасса; вѣдь ихъ октавы своего рода

Возьми въ руки пистолетикъ,
Прострѣли ты грудь мою...

или:

Графъ Пашкевичъ Ариванской
Подъ Аршавою стоялъ...

Въ Англіи что ли народъ читаетъ своего Шекспира, т.-е. народъ въ вашемъ смыслѣ?.. Да какъ вы думаете: Кольцовъ-то, напримеръ,—вѣдь ужъ это авось-либо народный поэтъ?—привѣтся, или по крайней мѣрѣ совсѣмъ какъ есть привѣтся къ народному сознанию и чувству? Да, привѣтся къ даровитой и страстной натурѣ „Мити“ Островскаго, и сказавши въ патетическую минуту о томъ, какъ „онъ эти чувства изображаетъ“, на что Гуслинъ скажетъ ему: „въ точности изображаетъ“,—онъ черезъ нѣсколько минутъ оборвется конфетнымъ билетцемъ:

Что на свѣтѣ прѣжестоко?—
Прѣжестока есть любовь!

онъ даже—даровитый, умный, страстный, самъ сочиняющій стихи Митя... И это опять такая глубоко-вѣрная черта!

Да и самъ Островскій-то, наиболѣе подходящій, хоть вамъ и не хотѣлось бы въ этомъ сознаться, къ вашему идеалу народнаго поэта, Островскій, затронувшій столько струнъ народной души,—вѣдь тоже народной, нѣсколько уже разившейся душѣ понятенъ и доступенъ, а не тому народу, который вы себѣ создали.

Въ своемъ добровольномъ духовномъ рабствѣ передъ новымъ идоломъ—народомъ, вы однако думали вѣроятно о томъ, что вы вслѣдъ за Пушкинымъ похѣриваете въ нашей литературѣ и Лермонтова, и Гоголя, и Тургенева. Остаются имѣющими какое-либо условное значеніе (да и то условное) въ развитіи и для развитія народа—кто же?.. Только Островскій, Кольцовъ и Некрасовъ, натуры вышедшія прямо и непосредственно изъ народа, сохранившія очевидныя примѣты кровной связи съ народомъ въ языкѣ и въ чувствахъ. Я, конечно, беру только первостепенныхъ дѣятелей, только планеты, оставляя въ сторонѣ спутниковъ.

Одинъ великій мыслитель кончаетъ свои неумолимыя разсужденія о государствѣ и конечномъ исчерпаніи этой идеи въ исторіи человѣчества словами: „Да мнѣ-то какое же дѣло?“ служащими отвѣтомъ на вопросъ: „что же будетъ?“

Вы можете мнѣ такъ же отвѣтить. Но вѣдь дѣло все-таки, по крайней мѣрѣ практически, не порѣшится. Вѣдь жизнь западная, гдѣ изжилось государство, и жизнь наша--двѣ вещи розныя. Розно и духовное развитіе.

Вѣдь по-вашему (я обращаюсь только къ теоретикамъ „народнаго“ лагеря) въ нашемъ духовномъ развитіи надобно похѣрить

все, и „валяй сызнава“—по однимъ съ XVII, по другимъ, гораздо болѣе послѣдовательнымъ господамъ, съ XII столѣтія. Оно пожалуй бы и хорошо, да нельзя. Вѣдь жизнь, даже съ ея паростами и болячками,—живая жизнь, живой организмъ.

А оно, коли хотите, пожалуй бы и хорошо. Во всякой односторонности, между прочимъ и въ вашей, есть своя доля глубины и правды.

Далѣе, во имя этой односторонности еще одно отступленіе. Оно послѣднее и поведетъ прямо къ дѣлу.

Прошлявшись довольно долгое время по различнымъ картиннымъ галереямъ Европы, я очутился, какъ и слѣдуетъ, подъ конецъ моихъ странствій въ градъ Берлинъ. Въ берлинской галлерей сравнительно мало превосходныхъ вещей, но тамъ добросовѣстно, съ нѣмецкой аккуратностью, собраны довольно хорошіе экземпляры всѣхъ школъ и направленій живописи, такъ что она можетъ быть весьма полезною повѣркою впечатлѣній для того, кто „aveva gli occhi“, „имѣлъ глаза“—по итальянскому даровитому понятію, единственное условіе для пониманія красоты въ пластическомъ ея проявленіи. Изъ Рима, Неаполя, Болоньи, Сіены, Флоренціи, Милана и Венеціи, изъ Лувра, Мюнхена, Вѣны и Дрездена я привезъ съ собою живую, глубокую вѣру въ націонализмъ живописи и пластики, или, лучше сказать, вѣру въ то, что искусство—архитектурное ли, живописное или ваятельное—живетъ только вѣрою, а вѣра, въ свою очередь, живетъ національностью типовъ. Результатъ, конечно, не новый, но онъ дорогъ былъ мнѣ, какъ подтвержденная и купленная опытами вѣра. Безконечно разнообразныхъ, но всегда національныхъ и даже мѣстныхъ типовъ свѣтлаго лика мадонны, не говоря уже обо всемъ другомъ, достаточно было для укрѣпленія во мнѣ этой вѣры и для внушенія положительнаго отвращенія къ издѣліямъ нашихъ натуралистовъ, которые посадятъ передъ собою жиловку изъ Ghetto, ерсеуютъ ее до противной дагерротипности, накрасятъ въ картинѣ бархатомъ, золотомъ, яркими красками и эффектнымъ освѣщеніемъ, да и думаютъ, что потрудились во славу русскаго искусства. Смѣясь надъ фигурами-селедками фра-Беато и грубо-искренне или искренне-грубо заподозривая насъ, дилетантовъ, въ искренности нашего умиленія передъ этими вдохновенными фигурами-селедками, они и не подозрѣваютъ, бѣдные, что типы того великаго, вѣровавшаго искусства—всѣ національные и мѣстные, отъ перваго

шага въ человѣчность святаго фра-Беато до послѣдняго преобладанія идеальной, но земной женственности въ Мурильо, создавались глубокою вѣрою въ нихъ, въ эти типы, какъ въ идеалы, вѣрою болѣе или менѣе раздѣляемой сочувствующей толпою,—а они и сами не вѣрятъ въ свои типы, да и русскій народъ не захочетъ знать этихъ типовъ. Да и правъ онъ будетъ. Какое мнѣ даже, напримѣръ, удовольствіе, бросивши взглядъ на какой-нибудь куполь, встрѣтиться съ повтореніями типовъ то Гверчино, то Доменикино, то Дольчи? Зачѣмъ они туда зашли?.. „по какому виду? взять ихъ подъ сумлѣніе!“ Въ такихъ и подобныхъ размышленіяхъ бросилъ я по берлинской галлерей, повѣряя прожитую мною эстетически-правственную жизнь, съ однимъ замѣчательнымъ въ дѣлѣ художественнаго пониманія пріятелемъ ¹⁾. Это былъ не только страстный, но даже сладострастный знатокъ и цѣнитель изящнаго, развившій до крайней чуткости свой отъ природы тонкій вкусъ, таявшій буквально передъ Корреджіо; чистѣйшій пантеистъ, умилявшійся однако до экстаза передъ селедками фра-Беато стараго и передъ произведеніями искренняго, хотя и страннаго фра-Беато новаго, т.-е. Овербека; сохранившій, несмотря на то, что развился въ яромъ западничествѣ и въ такомъ остался, всесторонности русскаго ума, т.-е. равно отзывчивый на все прекрасное и великое во всѣхъ школахъ и все равно тонко оцѣнявшій, да вдобавокъ еще сохранившій здравый практическій толкъ и остроуміе, нѣсколько ёрническое, великорусскаго купечества, къ которому онъ принадлежалъ и котораго никогда не чуждался, несмотря на свою громадную начитанность и глубокое философское развитіе. Вотъ, бродя съ этимъ-то весьма поучительнымъ бариномъ и мѣняясь съ нимъ впечатлѣніями и мыслями; мы дотолковались какъ-то до судебъ россійскаго искусства. Надо сказать, что онъ принадлежалъ по своему развитію къ эпохѣ глубокой, хотя все-таки односторонней критики, названной мною „обиженной критикою“, — да я и самъ тогда вполне принадлежалъ къ ней. У него была своя односторонность: онъ былъ довольно равнодушенъ къ великой художественной силѣ, проявившейся въ Брюловѣ, и какъ-то прискорбно жалѣлъ объ Ивановѣ... Но дѣло не въ томъ. Мы дотолковались съ нимъ до судебъ россійскаго искусства, и онъ,

¹⁾ М. П. Боткинъ, съ которымъ Григорьевъ встрѣтился во время своего пребыванія за границей въ 1858 году.

ярый западникъ, сладострастный поклонникъ всѣхъ чудесъ германо-романскаго міра, высказалъ мысль, которая давно уже шевелилась у меня въ мозгу и въ душѣ, но которую мнѣ, умѣренному славянофилу, какимъ я еще тогда считалъ себя, думая, что между славянофильствомъ и народностью есть много общаго, — было бы какъ-то боязно высказать.

— Знаете ли? — сказалъ онъ вдругъ, отрываясь нѣсколько насильственно отъ созерцанія удивительнаго св. Франциска Мурильо, — намъ по настоящему надобно все похѣрить и начать...

— Съ суздальской живописи? — невольно перебилъ я рѣчь его вопросомъ.

— Да, съ суздальской живописи, — отвѣчалъ онъ, нисколько не останавливаясь.

— И строгиновскую школу даже похѣрить? — спросилъ я опять.

— И строгиновскую школу похѣрить, — безъ запинки же сказалъ онъ, думая, конечно, не о строгиновскихъ воскресныхъ классахъ рисованья въ Москвѣ, а о томъ, что технически называется строгиновскою школою въ исторіи нашей живописи, если только у ней есть какая-либо исторія.

Вы понимаете, конечно, чего ради рассказалъ я этотъ эпизодъ изъ исторіи своихъ личныхъ впечатлѣній?

Помутилось, дѣйствительно помутилось что-то въ нашемъ сознаниі, и помутилось такъ, что трудно и добраться до настоящихъ, чистыхъ источниковъ. Что не одна реформа Петра тутъ виновата, это кажется теперь дѣло почти рѣшенное или по крайней мѣрѣ рѣшаемое весьма успѣшно гг. Павловымъ, Щаповымъ и Костомаровымъ. Во всякомъ случаѣ фактъ очевидный тотъ, что мы въ этомъ случаѣ находимся въ совершенно исключительномъ положеніи сравнительно съ другими европейскими народами. Шла въ мѣшкѣ не утайшь.

Всѣ вопросы, которые мы себѣ задаемъ, какъ бы странны они ни казались съ перваго раза, хоть бы знаменитый вопросъ о народности Пушкина; всѣ парадоксы, до которыхъ мы подчасъ доходимъ, хогъ бы парадоксъ славянофильства насчетъ лжи всей послѣ-Петровской нашей жизни и литературы — имѣютъ свое не только логическое, но и органическое оправданіе въ общемъ уклоненіи нашего развитія отъ законовъ развитія обще-европейскаго и вмѣстѣ отъ законовъ застоя обще-азиатскаго. Съ одной стороны, Пушкинъ въ поэзи, Бѣлинскій въ дѣлѣ сознанія, Брюловъ и

Глинка въ живописи и музыкѣ, а съ другой стороны—міръ странныхъ сказаній и пѣсенъ, раскольническое мышленіе, хожденіе странника Парфенія, суздальская живопись и народная, еще неуловимая въ своихъ музыкальныхъ законахъ пѣсня... И вѣдь что лучше, что могущественнѣе: блестящія ли явленія цивилизаціи, или явленія растительной жизни—рѣшить трудно... Увлечшись одной стороною, неминуемо приходишь до парадокса Чаадаевского; увлечшись другою,—столь же неминуемо до парадокса славянофильскаго. Я ужъ не говорю о явленіяхъ государственнаго и общественнаго строя, задѣвающихъ еще болѣе за живое: я ограничиваю себя тѣснымъ кругомъ выраженій духовнаго сознанія.

А все-таки вопросъ разрѣшимъ и безъ парадоксовъ. Стоитъ только спросить себя: откуда же взялись не только указанные мною явленія, но даже самъ Петръ и реформа, московскіе Иваны и Васильи съ ихъ суздальскими родоначальниками, и московскій государственный строй, византійская религіозная норма и проч., и проч.? Да все оттуда же, откуда и явленія растительной жизни, откуда вѣчевой строй, земство и расколы; только вслѣдствіе обстоятельствъ одни развились насчетъ другихъ, не подавивши ихъ жизни, но основавъ ихъ развитіе.

Та же исторія и съ литературой.

Дѣйствительно, долгое, очень долгое время „en Russie quelques gentilshommes se sont occupés de la littérature“,—хотя началъ эту литературу холмогорскій мужикъ-раскольникъ, а завершаютъ этотъ періодъ такіе жантильомы, какъ Пушкинъ, отождествляющійся, по какому-то удивительному наитію, съ народною рѣчью и даже народнымъ созерцаемъ, да Тургеневъ, весь насквозь проникнутый любовью къ родной почвѣ. Что же эти жантильомы изъ самыхъ крупныхъ—не органическія послѣдствія народнаго духа, не его хотя ранніе, но кровные продукты?.. А жантильомы тоже—Грибоѣдовъ, Гоголь, Лермонтовъ? Вѣдь всѣ эти жантильомы, неравныхъ силъ и неодинаковаго содержанія, рѣшительно не похожи ни на какихъ писателей другихъ націй; вѣдь въ ихъ фізіономію нечего долго и вглядываться, чтобы признать ихъ особенную, русскую фізіономію.

Но началась уже другая эпоха въ литературѣ. Ея провозвѣстникомъ былъ, можетъ-быть, курскій купецъ Полевой, это великое дарованіе съ слабымъ характеромъ. Ея первымъ самороднымъ перломъ былъ великій воронежскій прасоль съ своими дивными

пѣснями, съ своею глубокою душою, отозвавшеюся на самые глубокомысленные запросы цивилизаціи. Давно ли началась эта эпоха,—и между тѣмъ она уже породила великаго лирическаго поэта, дала народнаго драматурга, дала рядъ второстепенныхъ, но въ высокой степени замѣчательныхъ литературныхъ явленій, постепенно и безпрестанно прибывающихъ.

Къ этой же эпохѣ принадлежитъ и Некрасовъ. Мѣсто его— между Кольцовымъ и Островскимъ, по общественному значенію его поэтической дѣятельности, но... никакъ не по внутреннему ея достоинству. Кольцова цивилизація коснулась своими высшими вопросами и вопросы разбили, можетъ быть, его могучую, но мало-приготовленную натуру. Островскій, человѣкъ народа и вмѣстѣ человѣкъ цивилизаціи, спокойно бралъ отъ нея всѣ орудія, спокойно же порѣшалъ для себя ея вопросы. На страстную натуру поэта „мести и печали“ цивилизація подѣйствовала въ особенности своими раздражающими сторонами и имѣла даже вліяніе своими фальшивыми сторонами. Съ одной стороны, желчныя пятна, а съ другой водевильно-александринскія пошлости оскверняютъ его возвышенную поэзію. Но тамъ, гдѣ она дѣйствительно возвышена,—она вполнѣ народна, и причина ея неоспоримой силы, ея популярности (кромѣ, разумѣется, большого таланта, *conditio sine qua non*)—въ органической связи съ жизнью, дѣйствительностью, народностью.

IV.

Читатели знаютъ конечно, а многіе помнятъ вѣроятно даже наизусть мрачныя стихотворенія, озаглавленныя поэтомъ „переводами изъ Ларры“. Переводы ль они, иѣтъ ли—сила не въ томъ. Поэтъ въ нихъ ядовитыми чертами изображаетъ первоначальныя задатки своего развитія...

Позволю себѣ привести въ особенности часть одного изъ этихъ стихотвореній:

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой,
 Я росъ средь буйныхъ дикарей,
 И мнѣ дала судьба, по милости великой,
 Въ руководители псарей.
 Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной,
 Боролись страсти нищеты,
 И на душу мою той жизни безобразной
 Ложались грубыя черты.

И прежде, чѣмъ понять разсудкомъ неразвитымъ,
Ребенокъ, могъ я что-нибудь,
Проникъ уже порокъ дыханьемъ ядовитымъ
Въ мою младенческую грудь;
Застигнутый врасплохъ, стремительно и шумно
Я въ мутный ринулся потокъ...

Не поражаало ли васъ, когда вы читали это мрачное и ядовитое стихотвореніе, нѣкоторое сходство этихъ высказываемыхъ потомъ впечатлѣній съ тѣми впечатлѣніями, которыя высказываетъ Лермонтовъ въ извѣстномъ отрывкѣ: „Дѣтство Арбеньева“, дающемъ ключъ къ уразумѣнію его идеаловъ, его Арбенина, Мцыри, само-го Печорина?.. Припоминаю тоже другое, болѣе скорбное, чѣмъ ядовитое стихотвореніе Некрасова изъ Ларры:

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, бессмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ людей,
Завидоваль житью собакъ и лошадей;
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть, и т. д.

Перечтите эту скорбную повѣсть о грубѣйшемъ бывшемъ рабствѣ и его жертвахъ,—и опять-таки сравните ее съ юношескими попытками Лермонтова, весьма дорогими въ психологическомъ отношеніи, дорогими тѣмъ, что поэтъ еще въ нихъ весь наружу, еще не закутался въ ледяныя формы Печорина... Точка отправленія впечатлѣній почти одна и та же у Лермонтова и у Некрасова; но какъ различно дальнѣйшее развитіе у того и другого! Нужды нѣтъ, что для того и другого поэта первоначальныя впечатлѣнія набрасываютъ мрачный колоритъ на послѣдующія изображенія родного быта... Лермонтовъ доходитъ до идеализаціи вѣчно-тревожной и мрачной силы: демонъ, который сіялъ предъ нимъ, „какъ царь нѣмой и гордый“,

...такой волшебной, чудной красотой,
Что было страшно, и душа тоскою
Сжималася...

овладѣваетъ имъ совершенно; на столь же страстную, но болѣе любящую, простую, народную природу Некрасова „демонъ“ по-дѣйствовалъ совершенно иначе. Точка исхода одна, но толчекъ совершенно иной. Вотъ онъ, этотъ толчекъ, ключъ къ общему

направленію поэтической дѣятельности: мѣсто изъ превосходнаго стихотворенія „На Волгѣ“. Мѣсто это такъ знаменательно, что вопреки моему нежеланію выписывать что-либо изъ весьма популярной книги, должно быть выписано:

О Волга!.. колыбель моя!
Любилъ ли кто тебя, какъ я?
Одинъ по утреннимъ зорямъ,
Когда еще все въ мірѣ спитъ
И алый блескъ едва скользитъ
По темно-голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
Иду на помощь къ рыбакамъ,
Катаюсь съ ними въ челнокѣ,
Брожу съ ружьемъ по островамъ.
То, какъ играющій звѣрокъ,
Съ высокой кручи на песокъ
Скачусь, то берегомъ рѣки
Бѣгу, бросая камешки,
И пѣсню громкую пою
Про удалъ раннюю мою...

О, какъ далеки эти простыя, любовныя впечатлѣнія отъ тѣхъ титанически-гордыхъ и мрачныхъ отзвонковъ грозной силы, которые слышатся въ „Мицри“, какою свѣжестью дышать они въ этой удивительной поэмѣ о Волгѣ, читая которую задаешься даже вопросомъ: не желчныя ли пятна лихорадки—переводы изъ Ларри?.. Но нѣтъ... Хорошо, то-то хорошо, привольно и любо ребенку на Волгѣ: любо ему и подслушивать чертей на пруду, и слѣдить за медленнымъ движеніемъ расшивы, на палубѣ которой „за спутницей своей“ бѣжить молодой приказчикъ, а она—

Мила, дородна и красна...

любо ему, что

...кричить онъ ей:

„Постой проказница! ужо
Вотъ догону!...“ Догналъ, поймалъ—
И поцѣлуй ихъ прозвучалъ
Надъ Волгой вкусно и свѣжо...

Вы понимаете вполне, что искренно говоритъ поэтъ:

Тогда я думать былъ готовъ,
Что не уйду я никогда
Съ песчаныхъ этихъ береговъ...
И не ушелъ бы куда!

Но вы помните, что заставило бѣжать ребенка:

Въ какихъ-то розовыхъ мечтахъ
Я позабылся. Сопъ и зной
Уже царили падо мной,
Но вдругъ я стоны услыхалъ
И взоръ мой на берегъ уналъ.
Почти пригнувшись головой
Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки.
Ползли гурьбою бурлаки,
И былъ невыносимо дикъ
И страшно ясенъ въ тишинѣ
Ихъ мѣрный похоронный крикъ—
И сердце дрогнуло во мнѣ...

И такъ дрогнуло впечатлительное, любящее сердце, что

Безъ шапки, блѣдный, чуть живой,
Лишь поздно вечеромъ домой
Я воротился. Кто тутъ былъ—
У всѣхъ отвѣта я просилъ
На то, что видѣлъ,—и во спѣ
О томъ, что рассказали мнѣ,
Я бредилъ...

А рассказали ему, или лучше подслушалъ онъ весьма, кажется, простую вещь— „неторопливый“ разговоръ двухъ бурлаковъ:

— Когда-то въ Нижній попадемъ?
Одинъ сказалъ:— Когда бѣ понасть
Хоть на Илью...— „Авось придемъ“.
Другой, съ белѣзненнымъ лицомъ,
Ему отвѣтилъ:— „Эхъ напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянулъ бы ляжку какъ медвѣдь,
А кабы къ утру умереть—
Такъ лучше было бы еще!..“

Да и безъ того поразилъ его этотъ вой, разделяющійся надъ Волгою, эта пѣсня, которая заставляетъ тяжело задуматься Минина Островскаго, которую сложили

Неволя тяжкая да трудъ безмѣрный,
въ которой совмѣстились

Всѣ слезы съ матушки святой Руси—
Новгородскія, нековскія слезы.

Вы знаете, что Кузьму Захарыча не къ однимъ только стопамъ и печали привела эта пѣсня, съ которою сливалась его великая душа въ минуту скорбнаго раздумья...

Но на поэта нашего только ядовито-горько подѣйствовало жизненное впечатлѣнiе:

О горько, горько я рыдалъ,
Когда въ то утро я стоялъ
На берегу родной рѣки—
И въ первый разъ ее назвалъ
Рѣкою рабства и тоски!..

Впечатлѣнiе было глубоко, но односторонне. Одностороння, коли вы хотите, и поэтическая дѣятельность, развившаяся изъ этого горькаго впечатлѣнiя; но односторонность эта законна: односторонность эта—великая сила. Въ ней нѣтъ ничего сдѣланнаго: она родилась... Поэтъ подавленъ ею, тяжело она ему достается: его любящее сердце, по его признанiю, „устало ненавидѣть“, по любить не научится. Изъ этой разъ воспринятой односторонности нѣтъ выхода.

Надъ всѣми почти великими дѣятелями нашими той эпохи, когда *quelques gentilshommes se sont occupés de la littérature*, начиная отъ Пушкина, продолжая Тургеневымъ и кончая О. Достоевскимъ, хотя этотъ послѣднiй достигъ страдательнымъ *психологическимъ* процессомъ до того, что въ „Мертвомъ домѣ“ слился совѣмъ съ народомъ,—повторялся одинъ и тотъ же казусъ, поэтически выраженный величайшимъ изъ нашихъ великихъ въ стихотворенiи „Возрожденiе“:

Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей...

Самъ онъ, не переставая быть и Алеко, и Онѣгинимъ, и Донъ Хуаномъ, въ то же время доходитъ до отождествленiя своего воззрѣнiя съ народнымъ, пускаетъ все больше и больше корни въ почву, и Богъ-знаетъ еще какъ бы онъ укоренился, кабы не смерть скосила эту силу. Въ Лермонтовѣ, какъ Гоголь справедливо замѣтилъ, готовился великiй живописецъ русскаго быта. Тургеневъ, начавши идеализацiей блестящихъ типовъ въ родѣ Василья Лучинова, самъ разбилъ ихъ смѣхомъ Гамлета Шцигровскаго узда; отъ грустнаго и сѣренькаго колорита „Записокъ охотника“ перешелъ къ простымъ и вмѣстѣ яркимъ краскамъ „Дворянскаго

гнѣзда—возвратомъ на почву, любовью къ почвѣ, разумнымъ смиреніемъ передъ почвою, вѣрою въ ея силы, хотя бы силы эти были и неподвижны, сидѣли сиднемъ какъ Уваръ Ивановичъ въ „Паханунъ“.

Ничего подобнаго этому процессу нравственному нѣтъ и быть не можетъ въ людяхъ другой эпохи нашей литературы. Они все связаны кровно съ почвою, никогда съ ней не разъединялись,— даже и тогда, когда задавали себѣ, какъ Кольцовъ, глубокомысленнѣйшія задачи, даже и тогда, когда противопоставляли, какъ Островскій, требованія избранной, идеальной природы своей „Бѣдной невѣсты“ требованіямъ среды ея окружающей, даже и тогда, когда кипятъ горемъ и негодованіемъ, какъ Некрасовъ... Люди почвы, они даже тщетно захотѣли бы отъ нея оторваться.

Некрасову, подѣ влияніемъ его „музы мести и печали“, часто хотѣлось бы увѣрить и насъ всехъ, да можетъ-быть и себя, что онъ не поэтъ. Помпите, что говоритъ онъ:

Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ...
Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорая теплится любовь.

Но вѣдь это очевидная неправда. Во-первыхъ, онъ поэтъ—и большой поэтъ—тамъ, гдѣ *праведно* торжествуетъ мстительное чувство, и догораніе его любви стоитъ иногда несравненно болѣе сатирическа любви нѣкоторыхъ музъ, а во-вторыхъ, онъ большой поэтъ своей родной почвы...

Вѣдь онъ любитъ ее, эту родную почву, какъ весьма немногіе. Вѣдь ему даже она *одна* только, въ противоположность намъ, людямъ *той* эпохи, людямъ западныхъ идеаловъ, и мила. Онъ искренно признается въ этомъ, такъ же искренно, какъ фанатически поклонявшійся родной почвѣ Хомяковъ сознавался въ благоговѣннн передъ свѣтилами, которыя

... мерцаютъ догорая,
На дальнемъ западѣ, странѣ святыхъ чудесъ.

Вѣдь вотъ онъ что говоритъ, напримѣръ:

Все роже кругомъ, какъ степь живая,
Ни замковъ, ни морей, ни горь...

Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ—
И не нашель я ничего!
Я тамъ не свой: хандрю, нѣмбю,
Не одолѣвъ свою судьбу,
Я тамъ погнулся передъ нею...
Но ты дохнула—и сумбю,
Быть-можетъ, выдержать борьбу!

Поставьте въ параллель съ этою искренностью любви къ почвѣ первыя, робкія, хотя затаенно-страстные признанія великаго Пушкина въ любви къ почвѣ въ „Онѣгинѣ“—и вы поймете... конечно не то, что „еслибъ не обстоятельства, то Некрасовъ былъ бы выше Пушкина и Лермонтова“, а разницу двухъ эпохъ литературы. Припомните тоже полу-сардоническое, язвительное, но тоже страстное признаніе почвѣ въ любви къ ней Лермонтова („Люблю я родину“ и проч.), и потомъ посмотрите до какого высокаго лиризма идетъ Некрасовъ, ни мало не смущаясь:

... Я узнаю

Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
Съ грозой выдержать войну,
И ровный шумъ лѣсовъ сосновыхъ,
И деревенекъ тишину,
И нивъ широкіе размѣры...
Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ духомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья—
И шепчетъ голосъ неземной:
„Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправитъ наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слышали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой

Святое бремя приносилъ—
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной...“
Я внялъ... я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челою,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣвій, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Поэтъ! поэтъ! Что же вы морочите-то насъ и „неуклюжимъ стихомъ“, и „догораніемъ любви“?

Глубокая любовь къ почвѣ звучитъ въ произведеніяхъ Некрасова, и поэтъ самъ искренно сознаетъ эту любовь. Онъ повидимому не жалѣетъ, какъ Лермонтовъ, что этой любви „не побѣдитъ разсудокъ“, не зоветъ этой любви „странною“. Одинаково любить онъ эту почву и тогда, когда говоритъ о ней съ искреннимъ лиризмомъ, и тогда, когда рисуетъ мрачныя или грустныя картины; и мало того, что онъ любить: его поэзія всегда въ уровень съ почвою—тогда ли, когда, въ мрачный, сырой осенній вечеръ, съ поэтически-ядовитымъ озлобленіемъ передаетъ засѣданіе „клуба вороньяго рода“ и съ наружнымъ равнодушіемъ и внутреннею глубокою симпатіею разговоръ двухъ старушонокъ, сошедшихъ у колодца; тогда ли, когда въ душевной больницѣ подсматриваетъ онъ высокую сцену поднятія любовію падшаго человѣка и слышитъ

всепрощающій голосъ любви,
Полный мольбы безконечной;

тогда ли, когда изображаетъ видѣніе, обратившее кашея Власа въ Божьяго странника, хоть это видѣніе и не имѣетъ счастья нравиться критику „Отеч. Записокъ“, который искалъ, искалъ въ Варенцовскомъ, Безсоновскомъ и псевдо-Якушкинскомъ сборникѣ разныхъ ужасовъ, между прочимъ шестикрылатаго; чернаго тигра; тогда ли, когда простодушно передаетъ онъ „деревенскія новости“, не заботясь—что впрочемъ непохвально—о формѣ передачи; тогда ли, когда такъ же безыскусственно и до наивности искренно любитъ крестьянскими дѣтьми-шалунами. Не все это, на что

я указываю, художественно: напротивъ, на многомъ, къ сожалѣнію, есть и пятна, многое страдаетъ неизвинительною небрежностью отдѣлки, но во всемъ этомъ почвою пахнетъ. Тамъ же, гдѣ поэтъ видимо заботился и о художественности,—рисуетъ ли онъ съ мрачною злобою „Псовую охоту“, кончая свою поэму ядовитымъ двестишіемъ:

Кто же охоты собачьей не любитъ,
Тотъ въ себѣ душу заспитъ и погубить...

обращается ли онъ къ родинѣ съ нѣжной и покорной любовью сына—отожествленіе съ почвою выступаетъ, разумѣется, еще ярче. Въ этомъ отношеніи особенно знаменательно начало „Саши“, полное высокой поэзии и своимъ сдержаннымъ лиризмомъ служащее какъ бы приготовленіемъ къ вышеприведенному мною порыву лиризма беззавѣтно-искренняго.

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой;

Пахарь ли пѣсню вдали запостъ—
Долгая пѣсня за сердце беретъ;

Лѣсъ ли начнется—сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Да, не весела!.. По пусть не весела: молчить „озлобленный умъ“ поэта,—а молчить онъ потому, что

Сладокъ мнѣ лѣса знакомаго шумъ,
Любо мнѣ видѣть знакомую ниву—
Дамъ же я волю благому порыву...

Сердце поэта устало питаться злобою: любящимъ сыномъ воротился онъ къ родинѣ, и сколь бы ни нагнали тоски ея вѣчныя бури, онъ стоитъ передъ нею побѣжденный...

Силу сломили могучія страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про погибшую музу мою
Я похоронныя пѣсни пою.

Передъ тобою мнѣ плакать не стыдно,
Ласку твою мнѣ принять не обидно.

Дай мнѣ отраду объятій родныхъ,
Дай мнѣ забвенье страданій моихъ!

Хмелью измятъ я... п скоро я сгнину...
Мать не враждебна и къ блудному сыну:

Только-что ей и объятья раскрылъ —
Хлынули слезы, прибавилось силъ,
Чудо свершилось: убогая нива
Вдругъ просвѣтлѣла, пышна и красива,
Ласковѣй машеть вершинамъ лѣсъ,
Солнце привѣтливѣй смотритъ съ небесъ.

Но чуда собственно нѣтъ тутъ никакого. Это не покаяніе, не возвратъ, не Пушкинское „Возрожденіе“. Поэтъ никогда не разрывался съ почвою, всегда любилъ ее: я указывалъ примѣръ, гдѣ и раздраженный болѣзненно, какъ въ „Псовой охотѣ“, и негодующій, и тоскующій, правильно или неправильно, — онъ все-таки не сходитъ съ почвы, а постоянно стоитъ на ней.

Удивительная между прочимъ вещь эта небольшая поэма „Саша“. У меня къ ней глубокая симпатія и вмѣстѣ антипатія: симпатія къ ея краскамъ и подробностямъ, антипатія за то, что она весьма удобно поддается аллегорическому толкованію... Она вѣдь могла, право, быть озаглавлена такъ: „Саша, или сѣятель и почва“. По поразительно прекрасны ея краски и подробности воспитанія героини. Тутъ все пахнетъ и черноземомъ, и скошеннымъ сѣномъ; тутъ рожь слышно шумитъ, стонетъ и звенитъ лѣсъ; тутъ все живетъ, отъ березы до муравья или зайца, и самый складъ рѣчи вѣетъ народнымъ духомъ.

Но особенно удивительна по формѣ своей поэма „Коробейники“. Тутъ является у поэта такая сила народнаго созерцанія и народнаго склада, что дивишься поистинѣ скудости содержанія при такомъ богатствѣ оболочки. Явно, что содержаніе нужно было поэту только, какъ канва для тканья. Доказывать моей мысли насчетъ этой поэмы я не стану, т.-е. не стану ни приводить ея безпрестанно смѣняющихся картинъ, въ рамы которыхъ вошло множество доселѣ нетронутыхъ сторонъ народнои жизни, картинъ, писанныхъ широкою кистью, съ разнообразнымъ колоритомъ, ни обличать, что содержаніе только канва. Одной этой поэмы было бы достаточно для того, чтобы убѣдить cadaго, насколько Некрасовъ поэтъ почвы, поэтъ народный, т.-е. насколько поэзія его органически связана съ жизнію.

Но народная натура поэта *тронута* цивилизаціею. Какъ именно подобная впечатлительная и страстная натура выдерживаетъ натискъ цивилизаціи—могло бы составить предметъ огромной статьи, въ родѣ статьи о „Темномъ царствѣ“ покойнаго Добролюбова; но

имѣя въ виду статью литературно-критическую, а не общественно-критическую, я по возможности сжато постараюсь представить въ слѣдующемъ, послѣднемъ отдѣлѣ черты этого замѣчательнаго психологическаго процесса, прослѣдивши ихъ исключительно въ произведеніяхъ нашего поэта.

V.

Лѣтъ двадцать, а можетъ-быть даже и пятнадцать тому назадъ еще существовалъ тотъ Петербургъ, который внушилъ Гоголю множество пламенно-ядовитыхъ страницъ, Некрасову множество горькихъ стихотвореній, Панаеву нѣсколько блестящихъ очерковъ и водевилстамъ множество куплетовъ, считавшихся въ Александринскомъ мірѣ остроумными. То былъ дѣйствительно какой-то особенный городъ, городъ чиновничества, съ одной стороны, городъ умственнаго и нравственнаго мѣщанства, городъ карьеръ и успѣховъ по службѣ, гдѣ всякое искусство замѣняли водевили Александринской сцены, отдохновеніе — преферансъ. Зато, съ другой стороны, это былъ городъ исключительно головного развитія русской натуры. Русскія даровитыя головы работали въ немъ напряженно, вся кровь прилиwała у нихъ къ головѣ и только желчь оставалась въ сердцѣ. Они ненавидѣли городъ, въ которомъ судьба обрекла ихъ работать, и вмѣстѣ любили его, или, лучше сказать, испытывали въ отношеніи къ нему какое-то лихорадочное, болѣзненное чувство, преувеличивая, можетъ-быть, его язвы, возводя иногда въ значеніе жизненныхъ явленій то, что было въ сущности миражемъ. Припомните хоть „Невскій проспектъ“ Гоголя, и вы поймете, что я хочу сказать. Великій изобразитель „пошлости пошлаго человѣка“, самъ того не зная, довелъ изображеніе пошлости до чего-то грандіознаго, почти-что дошелъ до отношенія великаго автора „Comédie humaine“ къ его Парижу. Вспомните также первыя произведенія поэта „Униженныхъ и оскорбленныхъ“, въ особенности „Двойника“, эту тяжелую, мрачную и страшно утомляющую этуду явленій не жизненныхъ, а чисто мѣражныхъ, и произведенія писателей его школы, въ особенности Буткова—болѣзненные; горькія, ядовитыя отраженія странной, не органической, а механической жизни. Въ этой тиши все, малѣйшія даже явленія дѣйствовали на чуткія натуры болѣзненно-раздражительно, отчасти даже фантастически. Это осо-

бое, дѣйствительно фантастическое настроеніе впечатлѣній, стѣящее подробнаго, *историческаго* изученія. Въ такъ называемой школѣ сентиментальнаго натурализма сказалась вся глубокая симпатичность русской души и вся способность ея къ болѣзненной раздражительности.

Предоставляя себѣ впоследствии побесѣдовать съ читателями и объ этой полосѣ нашего нравственнаго развитія и о бываломъ Петербургѣ, тѣмъ съ ббольшимъ правомъ, что нѣкогда самъ я воспѣвалъ его, любя въ немъ

подъ ледяной корою
Его страданіе больное,

страдая болѣзненными бессонницами въ его

ночи финскія съ ихъ гнойной бѣлизной,—

я здѣсь ограничиваюсь только намекомъ, достаточнымъ, впрочемъ, относительно настоящаго предмета моихъ разсужденій.

Много воды утекло въ пятнадцать или двадцать лѣтъ. Петербурга-формалиста, Петербурга-чиновника, даже Петербурга-воица, опозтизированнаго Пушкинымъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, лѣтъ болѣе, или по крайней мѣрѣ онъ уже не тревожить, не раздражаетъ болѣзненно чуткія натуры: онъ доживаетъ гдѣ-то въ отдаленныхъ закоулкахъ, не мечется больше въ глаза даже на Невскомъ проспектѣ, ибо, „полусвѣтъ“, который съ такимъ упорствомъ и съ дѣйствительнымъ талантомъ, потраченнымъ на малое дѣло, изображалъ покойный Палаевъ—уже не исключительно Петербургское, а общее европейское явленіе,—если можно назвать его явленіемъ. Въ настоящемъ Петербургѣ есть только двѣ оригинальности: въ трактирахъ его подаютъ московскую селянку, которую въ Москвѣ дѣлать не умѣютъ, и за Невой есть у него Петербургская сторона, которая гораздо болѣе похожа на Москву, чѣмъ на Петербургъ. Даже остроумныя размышленія о немъ автора „Станціи Едрово“ потеряли свою соль съ тѣхъ поръ, какъ серединой станціей стало не Едрово, а Бологово. Желѣзная жила оттянула кровь отъ головы,—и право, славянофильская вражда къ Петербургу въ настоящую минуту лишена даже смысла. Петербургъ теперь городъ, какъ великій другой. Москвичи по этому поводу говорятъ съ обычной имъ московской гордостью, что это съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ расти къ сторонѣ желѣзной дороги, т.-е. къ

Москвѣ. Такъ какъ я самъ москвичъ, то вы, конечно, и не потребуете отъ меня ренегатства отъ мнѣній соотчичей.

Какъ бы то ни было, но прежняго, болѣзненно раздражавшаго и вмѣстѣ по-своему типичнаго Петербурга нѣтъ болѣе. Жалѣть ли объ этомъ? Не думаю, чтобы стоило. Это было не жизненное, а миражное типическое—тусклыя картины съ сѣренькимъ колоритомъ, не болѣе. Лучшее дѣйствіе ихъ, этихъ тусклыхъ картинъ, было отрицательное. Положительное же дѣйствіе находило себѣ литературное выраженіе въ фельетонахъ Булгарина, въ драматургій Александринскаго театра; оно вызвало горькую и ядовитую, несмотря на веселый тонъ, сатиру Панасва „Тля“, которую (столько въ ней возвышенности и негодованія!) какъ будто бы продиктовалъ самъ Бѣлинскій.

Рѣчь моя о Петербургѣ бывалыхъ временъ вела къ опредѣленію импульсовъ поэзіи Некрасова. Съ этой болѣзненно раздражающей миражной жизнью „муза мести и печали“ стояла всегда лицомъ къ лицу, но, къ сожалѣнію, не всегда выстаивала съ достоинствомъ, не всегда стояла *надъ* нею, а иногда становилась въ уровень съ нею. Почти-что такъ же зловредно (позволю себѣ это неучитливое сравненіе), какъ фабричная цивилизація дѣйствуетъ на впечатлительно-страстныя натуры изъ русскихъ натуръ, подѣйствовала миражная цивилизація на эту музу. Глубокая натура Кольцова, столкнувшись съ цивилизаціей, преклонилась передъ ея вышними вопросами и можетъ быть была разбита слишкомъ сильнымъ приѣмомъ ихъ сразу. Художественно-спокойная и самообладающая натура другого человѣка народа, Островскаго, не знала даже и столкновенія, прямо и ясно смотря впередъ. Страстная натура Некрасова вполне вдалась въ миражную жизнь и, нечего грѣха таить, часто поддавалась ей, испытала, какъ ся отрицательныя вліянія, т.-е. ужасъ отъ пошлости, такъ, къ несчастію, и положительныя. Неизгладимая печать увлеченій миражной жизнью легла на его произведенія то желчными пятнами, то увы! отзывами пошлыхъ водевильныхъ куплетовъ.

Едва ли нужно доказывать это. Поэтъ самъ—а его-то преимущественно имѣлъ я въ виду—знаеть грѣхи своей музы, а слѣпые поклонники его все равно же будутъ безразлично восторгаться и правымъ и неправымъ его негодованіемъ, будутъ наравнѣ съ чистыми и возвышенными его вдохновеніями, каковы „Въ дорогѣ“, „Огородникъ“, „Когда изъ мрака заблужденья“,

„Тройка“, „Изъ Ларры“, „Вино“ (хотя „Отеч. Запискамъ“ и не нравится это стихотвореніе), „Маша“, „Памяти—ой“ (грустной элегіей, испорченной, къ сожалѣнію, чѣмъ-то водевильнымъ въ тонѣ), „Буря“, „Въ деревнѣ“, „За городомъ“, „Тяжелый крестъ достался ей на долю“, „На родинѣ“, „Въ больницѣ“, „Послѣднія элегіи“ „Застѣчивость“, „Несжатая полоса“, „Забытая деревня“, „Школьникъ“, „Тишина“, „Убогая и нарядная“, „Пѣсня Еремушки“, „Знахарка“, „Деревенскія новости“ (пусть онѣ, эти новости, и лишены всякой художественной формы, но свѣжо и чисто ихъ содержаніе), „Плачь дѣтей“, „На Волгѣ“, „Похороны“, „Княгиня“, „Начало поэмы“, „Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи“, „Охота“, „Саша“, „Поэтъ и гражданинъ“, „О погодѣ“, „Крестьянскія дѣти“, „Коробейники“,—наравнѣ, говорю я съ этими почти-что безупречными по вдохновенію произведеніями восторгаться „Ванькой ражимъ“, и „Свадьбою“, и „Нравственнымъ человѣкомъ“, и „Прекрасной партіей“, которую какъ будто писалъ знаменитый авторъ „Булочной“ и „Отелло на Пескахъ“, и „Филантропомъ“, достойнымъ пера обличительныхъ поэтовъ „Искры“. Ихъ не увѣришь, напримѣръ, что только ненормально настроенному чувству придетъ въ голову при видѣ свадьбы простого человѣка съ простой женщиной рядъ предположеній болѣе относящихся къ среднимъ сферамъ; не увѣришь также и въ томъ, что неестественно водевильна форма стихотворенія „Нравственный человѣкъ“, что въ немъ страшно мѣшаетъ впечатлѣнію эстетическому мѣстоименіе я; ихъ даже и въ томъ не убѣдишь, что стихотвореніе о двѣнадцатомъ годѣ просто дурно, какъ чистоличное капризное впечатлѣніе.

Исчисляя лучшія по вдохновенію стихотворенія поэта, я не безъ намѣренія пропустилъ три изъ нихъ, наиболѣе дѣйствующія на публику—и даже на меня лично весьма сильно дѣйствующія: „Ѣду ли ночью по улицѣ темной“, „Власть“ и поэму „Несчастные“. Конечно, поэтъ не виноватъ, что изъ перваго стихотворенія эмансипированныя барыни извлекаютъ замѣчательно распутную теорію, но онъ виноватъ въ томъ, что не совладалъ самъ съ горькимъ стономъ сердца, не всталъ выше его, чѣмъ нибудь во имя жизненной и поэтической правды не напомнилъ о возможности иного психологическаго выхода, нежели тотъ исключительный, который онъ опоэтизировалъ. Ему даже и на улицахъ Петербурга попадались вѣроятно женщины съ маленькими гробиками, не-

рѣдко довольно наполненными мѣдными деньгами благочестиваго и добраго русскаго люда. Въ величавомъ образѣ „Власа“ тоже есть капризная исключительность взятаго поэтомъ психологическаго процесса. Поэму „Несчастные“ портитъ апологія Петра, совершенно не идущая ни къ ея тону, ни къ лицу, въ ней изображаемому.

Даже и въ лучшихъ по вдохновенію, исчисленныхъ мною стихотвореніяхъ нѣтъ во многихъ строгой выдержанности художественной формы. Великая, но попорченная народная сила—„муза мести и печали“!..

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Ѳ. Саводника.

Вышли въ свѣтъ слѣдующіе выпуски:

- Выпускъ 1-й. Автобіографія Апол. Григорьева: „Мои литературныя и нравственныя скитальчества“ (съ біографическимъ очеркомъ В. Саводника). Ц. 60 к.
- Выпускъ 3-й. Развитие идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина. Ц. 50 к.
- Выпускъ 5-й. „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. Ц. 15 к.
- Выпускъ 7-й. Лермонтовъ и его направленіе. Ц. 35 к.
- Выпускъ 10-й. И. С. Тургеневъ и его литературная дѣятельность. Ц. 50 к.
- Выпускъ 13-й. Поэзія Некрасова. Ц. 25 к.

Печатаются и выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени:

- Выпускъ 2-й. Парадоксы органической критики (съ критической статьей В. Саводника).
- Выпускъ 4-й. О правдѣ и искренности въ искусствѣ.
- Выпускъ 6-й. Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина.
- Выпускъ 8-й. Гоголь и его „Переписка съ друзьями“.
- Выпускъ 9-й. Русская литература въ срединѣ XIX вѣка (Бѣлинскій и его „историческая критика“).
- Выпускъ 11-й. О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ.
- Выпускъ 12-й. Раннія произведенія гр. Л. Н. Толстого.
- Выпускъ 14-й. Русскія народныя пѣсни съ ихъ поэтической и музыкальной стороны.
-